

Максим Соболев

Приключения

кота

Кирилла

и

пса

Степана

Максим Соболев

**Приключения кота
Кирилла и пса Степана**

«Автор»

2026

Соболев М.

Приключения кота Кирилла и пса Степана / М. Соболев —
«Автор», 2026

«Кот Кирилл и пёс Степан — лучшие друзья, и вместе им не страшны никакие беды! То придётся спасти дачный посёлок от хитрой лисы, то распутывать загадочные следы у старого сарая, а то и вовсе выяснять, кто каждую ночь шуршит в кустах и пугает всех жителей. В этих приключениях Кирилл полагается на свою кошачью ловкость, а Степан — на верный нюх и смелость. Но главное их оружие — дружба: она помогает не растеряться даже в самой запутанной ситуации. Если ты любишь весёлые истории, где есть загадки, немного опасностей и много поддержки, эта книга точно для тебя!»

© Соболев М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 КАК КИРИЛЛ ПАЗНАКОМЕЛСЯ С ПСОМ	5
Глава 2 Как пес и кот подружились с мальчиком	8
Глава 3 Поиск залотова орешка	12
Глава 4 Как кот Кирилл спас пса Степана	16
Глава 5 Детства Степана	20
Глава 6 Городская легенда	24
Глава 7 Золотая осень	28
Глава 8 кот пес и снег	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Максим Соболев

Приключения кота Кирилла и пса Степана

Глава 1 КАК КИРИЛЛ ПАЗНАКОМЕЛСЯ С ПСОМ

В одном старом дачном поселке, где домики летом утопали в сирени, а зимой прятались в сугробах, жили два друга. Вернее, друзьями они стали не сразу.

В доме с зеленой крышей жил кот Кирилл — философ и большой любитель тишины. А через забор, в будке под старой яблоней, обитал пес Степан — шумный, веселый и до невозможности любопытный. Днем они соблюдали нейтралитет: кот дремал на крыльце, а Степан гонял соседских воробьев. Но по ночам их пути расходились.

У Кирилла была одна великая тайна. Как только луна выплывала из-за туч, он бесшумно проскальзывал мимо спящего хозяина, открывал лапкой незапертую дверцу и по старым скрипучим половицам пробирался на чердак. Там, отодвинув носом пыльное окошко, он забирался на самый высокий ящик и часами смотрел на звезды. Для него это было самое настоящее волшебство. Звезды казались ему далекими кошачьими глазами, которые подмигивают земле. Они складывались в узоры, похожие на следы невидимых мышей, и тихонько пели свою вечную песню. Под этим небом все дневные тревоги таяли, как утренний туман над рекой.

Однажды вечером Степан заметил кота сидящим на высоком заборе. Пес подошел поближе, стараясь цокать когтями как можно тише. — Эй, шерстяной! — гулко гавкнул Степан, но тут же осекся и перешел на громкий шепот, боясь перебудить хозяев. — Ты чего там делаешь? Высматриваешь, у кого курица в сарай плохо зашла? — Я смотрю на звезды, Степан, — спокойно ответил кот, балансируя хвостом. — На что-о?! — изумлению пса не было предела. — Да ты перегрелся на своей крыше! Зачем смотреть на эти белые точки? От них ни запаха косточки, ни звука консервной банки! Они же просто висят!

Кирилл тяжело вздохнул. Спорить с тем, кто никогда не видел неба целиком, было бесполезно, но слова сами сорвались с языка: — Понимаешь, Степа... Днем наш мир очень маленький. Он заканчивается твоим ошейником и краем моего блюда. Мы вечно куда-то бежим, лаем, шипим или ловим солнечных зайчиков. Нам тесно. А ночью небо снимает эту тесноту. Оно напоминает, что мы живем на огромном каменном шаре, который летит сквозь вечность. Когда смотришь вверх, все наши дневные ссоры кажутся такими мелкими... — Летит? — уши пса удивленно приподнялись. — Куда? — К другим мирам. Но дело не только в этом. Дело в дороге. Моя дорога на чердак — она особенная. Она ведет к покою. И хожу по ней я всегда один.

Степан переступил с лапы на лапу. Ему вдруг стало ужасно обидно. Огромному грозному псу, наводящему страх на всех окрестных кошек, стало грустно от того, что его не позвали в такое важное путешествие. — Один ходить нельзя, — авторитетно заявил он, вспомнив наказ хозяина. — Особенно по ночам. Мало ли кто шастает. Знаешь что, усатый философ? Возьми меня с собой этой ночью. Обещаю, буду ступать тише мыши, честное собачье! Ну пожалуйста! Покажи мне свой космос, а то помру дураком, знающим только запах паленой резины с шоссе.

Кирилл посмотрел на серьезную морду пса, на его болтающиеся уши, которые сейчас стояли торчком от любопытства, и неожиданно для самого себя кивнул: — Хорошо. Только уговор: идешь строго след в след. И если наступишь хоть на одну сухую ветку — разворачиваемся домой. Понял? — Есть идти след в шаг! — радостно прошептал Степан и для верности сел прямо посреди дороги, чтобы случайно ничего не раздавить.

Когда большая желтая луна коснулась верхушек елей, друзья встретились у задней калитки. Кот выскользнул серой тенью, а пес появился беззвучно, словно его тяжелое тело

научилось левитации. Дорога за поселком была пустынной. Старый асфальт хранил тепло дня, и от него пахло гудроном и пылью. Идти по нему вдвоем оказалось совсем не страшно. Степан больше не бросался облаивать каждый подозрительный куст, а лишь внимательно смотрел под ноги, стараясь не шуметь. Кирилл вел его какими-то звериными тропами, подальше от ярких фонарей, которые убивают настоящий цвет ночи.

Они миновали спящие дачи, прошли через старый яблоневый сад, где яблоки падали в траву с глухими стуками, и вышли к небольшому деревянному мостику. Он был перекинут через речку Быстрянку, которая днем казалась бурной и мутной, а сейчас превратилась в застывшее зеркало. Вода отражала луну так четко, что казалось, будто на дне лежит вторая серебряная монета.

— Пришли, — выдохнул Кирилл, останавливаясь ровно посередине моста. Доски тихонько поскрипывали под тяжестью собаки. — Стой здесь. Не шевелись. — Слушай, а может, лучше рыбалку устроим? — неуверенно предложил Степан, заглядывая вниз, где плеснула крупная рыба. — Тут внизу тоже интересно. — Закрой глаза, — мягко приказал кот. — Глубоко вдохни. Чувствуешь? Пахнет мокрым деревом, остывшим камнем и свободой. А теперь медленно открывай и смотри строго вверх.

Степан послушно зажмурился, шумно втянул воздух широкими ноздрями, отчего его борода затрепетала, и поднял голову. То, что он увидел, смело его напрочь, как ведро холодной воды.

То небо, которое он знал — бледное, городское, с редкими тусклыми мухами-фонариками — исчезло. Над ним развернулся гигантский черный купол, расшитый миллионами бриллиантов. Они не просто горели — они пульсировали, переливались холодным огнем, собирались в густые россыпи и рассыпались космической пылью. Млечный Пути тек широкой молочной рекой, разрезая небосвод пополам. Звезд было так много, что ими можно было бы вымостить всю дорогу до города. У пса подкосились лапы. Он опустил свой могучий зад на теплые доски моста, разинул пасть и забыл, как дышать. Огромный сторожевой пес, способный в одиночку отпугнуть любого грабителя, сидел посреди реки, беспомощный и совершенно счастливый, глядя наверх глазами, в которых плескалось чистое детское восхищение.

— Это... это сколько же нужно мышей поймать, чтобы столько сыра на небе повесить? — прошептал он наконец охрипшим голосом. — Это не сыр, друг мой, — тихо засмеялся Кирилл, прижимаясь теплым боком к дрожащему от восторга псу. — Это другие солнца. Где-то там, вокруг них, крутятся свои планеты. Может быть, там тоже сидят сейчас какой-нибудь космический кот и межгалактический пес и смотрят на наше Солнце. — И видят нас? — заволновался Степан, инстинктивно прячась под перила. — Нет. Мы слишком маленькие. Для той бездны мы — просто мысль. Но именно поэтому нам так важно держаться вместе.

Они долго молчали, слушая, как журчит вода под сваями. Ночной ветер шелестел в камышах, и этот звук сливался с тихим звоном звезд. Степан впервые в жизни почувствовал, насколько он мал перед лицом Вселенной, и это чувство почему-то наполнило его не страхом, а невероятной гордостью.

Вдруг Степан дернул ухом и толкнул кота носом. — Смотри! — прошипел он. — Новая! Вон там, прямо над нашим домом! Видишь?

Прямо над серединой моста, расчертив темноту ярким штрихом, вспыхнула новая звезда. Она была крупнее остальных, необычного глубокого бирюзового цвета, и от нее во все стороны исходило мягкое сияние, напоминающее морозный узор на стекле. Она не мерцала нервно, как остальные, а горела ровным, уверенным светом, обещающим защиту.

Степан вскочил на лапы, шерсть на его загривке невольно встала дыбом от благоговения. — Что это? — прошептал он. — Самая главная звезда зрителя? Кирилл прикрыл зеленые глаза. Он долго молчал, впитывая свет нового небесного огонька, а затем потерся ухом о мощную шею друга. — Нет, — сказал он очень серьезно и торжественно. — Это твоя звезда, Сте-

пан. Посмотри, какая она надежная. Она не падает, не мигает от страха, она просто светит. Всегда. Она будет освещать тебе путь, даже если однажды случится самая темная ночь и густой туман. Давай назовем ее «Надежда». Чтобы ты никогда не забывал, что любая дорога кончается рассветом, если есть кому осветить тьму.

Пес осторожно скосил глаз на бирюзовый огонек. Теперь ночное небо не казалось ему чужим и холодным. Там, высоко-высоко, горел его личный маяк.

С того вечера жизнь двух соседей изменилась навсегда. Днем Степан всё так же честно охранял территорию, но делал это как-то спокойнее, перестал рвать цепь ради каждого проезжающего трактора. А каждую ясную ночь, едва часы на чердаке били полночь, силуэт Кирилла уже ждал на верхней ступеньке лестницы. Пес подходил неслышно, ложился рядом, и они вместе спускались к реке.

Кот учил пса отличать Сатурн от Юпитера и рассказывал древние мифы о том, как Большой Пес гонится по небу за Зайцем. А Степан делился мудростью земных дорог: объяснял, как по запаху определить, прошла ли здесь утром корова Зорька, и доказывал, что самые вкусные кости прячут вовсе не на небе, а под старой липой у бани председателя.

И если вам доведется летней ночью оказаться в тех местах, далеко от городской засветки, остановите машину у старого деревянного моста через Быстрянку. Заглушите мотор, выйдите наружу и посмотрите на юг, чуть восточнее созвездия Гончих Псов. Вы обязательно увидите две яркие звезды, стоящие почти вплотную. Одна — спокойная, золотистая кошачья искра. А рядом с ней — большая, яркого бирюзового цвета, лучистая и теплая. Местные астрономы давно внесли их в свои карты, но официальное название им дали простые дачники, которые часто видели на мосту двух друзей. Старожилы говорят, что это двойное созвездие зовется «Степан и Надежда», и путникам оно обещает самую верную дружбу и светлую дорогу домой

Глава 2 Как пес и кот подружились с мальчиком

С того дня, как Степан увидел свою звезду, прошла ровно неделя. Семь долгих, наполненных новыми запахами и звуками дней. За это время дачный поселок изменился до неузнаваемости: он перестал быть просто местом, где кот охотится на бабочек, а пес охраняет грядки. Теперь это была их общая, тайная вселенная.

Кирилл и Степан стали неразлучны. Днем они теперь делили одну тень: кот лежал, растянувшись на широкой спине пса, а тот, пыхтя от важности, таскал на себе эту драгоценную ношу вдоль всего забора. Ночью же они соблюдали строгий ритуал. Ровно в полночь Кирилл царапал дверь будки, Степан выбирался наружу, и они шли к реке. Пес больше не боялся темноты, а кот перестал быть высокомерным одиночкой. Они научились понимать друг друга без слов: по тому, как дергается кончик хвоста Кирилла, Степан знал, что завтра будет туман, а по тому, как пес прижимает уши, кот понимал, что в камышах опять прячется хорек.

На восьмой день, когда солнце стояло высоко, а воздух дрожал от зноя, Кирилл сидел на верхней перекладине калитки, свесив хвост прямо над носом дремлющего Степана. Вдруг кот замер. Его зеленые глаза сузились в щелочки. По разбитой поселковой дороге, поднимая клубы пыли, ехала старая синяя машина. Она фыркнула, чихнула и остановилась у дома с зеленой крышей — дома хозяина Кирилла.

Из машины выбрался мальчик. На вид ему было лет десять. Худой, загорелый до черноты, с облупившимся носом и сбитыми коленками. На нем были шорты цвета выцветшей джинсы и футболка с логотипом какой-то непонятной музыкальной группы. Он вытащил за собой огромный туристический рюкзак, который весил, казалось, больше его самого, и, махнув рукой водителю, уверенно зашагал к калитке.

Степан приоткрыл один глаз, лениво вильнул хвостом и снова задремал. Чужие люди в поселке появлялись часто, и мало кто из них кидал ему даже сухую корку. — Эй, лохматый, — тихо позвал Кирилл, не сводя глаз с мальчика. — К нам пожаловал Максим. — Какой еще Максим? — сонно фыркнул пес, но уши наострил. — Я всех Максимов в районе знаю. Этот не наш. От него пахнет городом, раскаленным асфальтом, метро и... чем-то сладким. Карамельками «Дюшес», что ли? — Это внук моего Хозяина, — с непонятной интонацией (то ли гордостью, то ли легкой тревогой) пояснил кот. — Он приезжает каждое лето. И, боюсь, нам со Степаном придется потесниться. Максим любит обниматься. Очень любит. И делает это внезапно, как нападение хорька из-за угла.

Кирилл оказался прав. Как только мальчик вошел в дом, первым делом он рухнул на колени прямо в тесном коридоре, едва успев сбросить кеды. — Кирюша! — закричал он так, что жалобно звякнули чашки в старом буфете. — Кирюша, ты вырос! Каким ты стал барсом! Настоящим сибирским тигром!

Кирилл, который как раз собирался с достоинством прошествовать к своей миске, оказался в плену. Маленькие, но цепкие руки схватили его, прижали к пропахшей костром,летней пылью и дешевым кондиционером для белья футболке и начали наглаживать. Кот обмяк. Он знал, что сопротивляться бесполезно. Максим пах детством — тем временем, когда сам Кирилл был еще неуклюжим, лопоухим котенком, а звезды казались просто дырками в черном потолке. Кот позволил почесать себя за ухо, позволил взять на руки и только тогда, улучив момент, ловко вывернулся, цапнул хозяина мягкой лапой (без когтей) за палец и вспрыгнул на подоконник.

День прошел в суете. Максим носился по участку, пытаясь полить огород из дырявой лейки, строил шалаш из старых покрывал и гонялся за бабочками с сачком. Кирилл наблюдал за ним с безопасного расстояния — с ветки старой антоновки. А Степан с безопасного расстояния — из будки — наблюдал за Кириллом. Пес немного ревновал. Этот шумный челове-

ский детеныш забирал всё внимание его философа, заставляя того мурлыкать, как простому дворовому Ваське.

Но когда сумерки сгустились и на поселок опустилась та самая бархатная, звенящая тишина, которую так любил кот, дверь дома снова скрипнула. На крыльцо вышел Максим. Он не стал включать свет на веранде. Он сел на старые, крашенные синей краской ступеньки, обхватив колени руками, и тяжело вздохнул. Пахнуло чем-то горьким и взрослым, словно мальчик привез с собой из города не только рюкзак, но и все свои невыплаканные слезы.

Кирилл бесшумно спрыгнул с дерева. Он подошел к мальчику, потерся о его пыльную голень, запрыгнул на колени и, к удивлению Степана, который подглядывал из-за угла сарая, не стал вырываться. Кот чувствовал: Максим приехал не просто на каникулы. Он приехал прятаться от чего-то грустного и тяжелого, что осталось там, в шумном городе, за сотни километров.

Кирилл мягко перебрался мальчику на грудь, свернулся плотным, теплым калачиком, положив голову с вибрирующими усами прямо над сердцем Максима, и включил свой самый громкий, самый утробный моторчик. Вр-р-р-р-р. Звук был густым, вибрирующим и теплым, как парное молоко. Он заглушал все городские тревоги, которые мальчик привез с собой в рюкзаке. Максим медленно провел рукой по черной, лоснящейся шерсти, его плечи опустились, он улыбнулся чему-то во сне, и через пять минут его дыхание стало ровным и глубоким. Так они и уснули на старых ступеньках — уставший городской мальчик и мудрый дачный кот.

Степан просидел под крыльцом до самого рассвета. Он охранял их сон, и ни один комар не посмел пискнуть в радиусе пяти метров от спящего Максима.

Чтобы понять, почему Максим так нуждался в этой тишине, нужно было увидеть его комнату. Утром, когда мальчик наконец проснулся, он побрел наверх, в мансарду. Попасть туда можно было только по узкой деревянной лестнице, которая предательски скрипела на третьей и седьмой ступеньке, если наступать на самый край.

Комната была треугольной, повторяя изгибы кровли. Из-за этого казалось, что ты находишься не в доме, а внутри капитанской рубки старого корабля, который вот-вот отправится в плавание. Стены здесь были обшиты светлым деревом, которое от времени и летнего солнца стало медовым и источало тонкий аромат смолы и сушеных яблок — их здесь хранили в плетеных корзинах, расставленных по углам.

Потолок был низким и покатым. Максиму приходилось пригибаться, чтобы не задеть головой старую люстру с оранжевым шелковым абажуром, на котором уже проступили желтоватые пятна времени. В самом центре потолка, прямо над кроватью, было круглое слуховое окно. Днем через него падал столб золотистой пыли, в которой танцевали пылинки, а ночью... Ночью окно превращалось в идеальный, идеально круглый экран планетария.

Кровать Максима стояла прямо под этим окном. Это было старое металлическое ложе с панцирной сеткой, которая мелодично звенела, если на нее лечь. Застелена она была колючим, но невероятно теплым шерстяным одеялом в сине-зеленую клетку, выцветшим от бесчисленных стирок. Подушки пахли травами — полынью и мятой, которые бабушка клала в наволочки для запаха.

У стены стоял массивный письменный стол, на котором царил творческий хаос. Там лежала стопка старых комиксов про космических пиратов, стоял пустой граненый стакан, в котором торчали засохшие полевые цветы, и старая рация, которую Максим пытался починить уже третий год. На стене над столом кнопками были приколоты карта звездного неба, билет на электричку с дырочкой и рисунок углем — очень похожий портрет Кирилла, сделанный в первый же вечер, когда кот позволил себя рассмотреть.

Но главной достопримечательностью комнаты был старый, пузатый шкаф с резными дверцами, стоявший в самом темном углу. Одна его дверца всегда была чуть приоткрыта. Внутри пахло нафталином, старыми книгами и приключениями. На верхней полке лежали

стопки фланелевых рубашек, а на нижней, под слоем старых газет «Пионерская правда», Максим прятал свой главный клад: коллекцию гладких речных камней, которые он привез из города, и старый, потертый на углах бинокль деда.

Именно из этой комнаты, из-под оранжевого света абажура, Максим выходил по ночам на крыльцо. И именно сюда, в этот пахнущий деревом и детством мир, Кирилл приходил под утро. Он запрыгивал на теплую батарею под окном, ждал, пока мальчик проснется, и спрыгивал прямо ему на грудь, своим весом и мурлыканьем возвращая из тревожных городских снов в спокойную, звенящую тишину дачного утра.

Следующий день стал праздником. Утром Кирилл, аккуратно спрыгнув с проснувшегося мальчика, подошел к будке и требовательно мяукнул, царапнув когтями резину старой покрышки. — Выходим, — коротко бросил он. — У нас гость. И он должен увидеть всё.

Максим, наспех позавтракав оладьями со сметаной, вышел на улицу. У калитки его ждал Кирилл, а рядом с ним, смущенно переминаясь с лапы на лапу и виляя хвостом так, что подметал пыль с дороги, стоял огромный Степан. — Ого, — выдохнул мальчик, забыв закрыть рот. — А это кто? Лошадь? Или медведь, который забыл уйти в спячку? — Это Степан, — важно представил друга кот, задрал подбородок. — Он мой начальник охраны, главный специалист по звездам и единственный, кто умеет открывать носом банку со сгущенкой. Степа, это Максим. Не кусай его, он свой, я проверил.

Степан подошел, тяжело вздохнул, обдав мальчика запахом псины и речной свежести, и осторожно ткнулся мокрым, холодным носом в ладонь Максима. Мальчик рассмеялся и с размаху почесал пса за ухом, запустив пальцы в густую шерсть. В этот момент лед тронулся. Пес понял, что этот мальчик пахнет не только карамельками и городской пылью, но и честной, открытой дружбой — почти так же, как пахнет сам Кирилл.

— А пойдемте гулять! — предложил Максим, закидывая рюкзак на одно плечо. — Я покажу вам старую водонапорную башню! Там наверху живут летучие мыши, и оттуда видно три соседних района!

И они пошли. Это была самая странная процессия, которую когда-либо видел дачный поселок. Впереди, задрав хвост трубой, словно знамя, шел Кирилл — он был штурманом и разведчиком. За ним, громко топая кедами и отмахиваясь от назойливых оводов, шел Максим. А следом, прикрывая тылы, тяжелой, но грациозной поступью двигался Степан, стараясь не наступить коту на хвост и время от времени подталкивая мальчика носом в спину, если тот слишком долго засматривался на чужие сады.

Они обошли всю деревню. Максим рассказывал им городские новости, Кирилл презрительно щурился на рассказы о лифтах и пробках, а Степан сочувственно вздыхал, представляя, каково это — жить в бетонной коробке, где нет ни одной мышиной норы и где нельзя просто так взять и вырыть яму. Они гуляли до самого вечера, пока закатное солнце не окрасило крыши домов в цвет спелой, налитой малины. Уставшие, но абсолютно счастливые, они вернулись домой только тогда, когда в воздухе запахло остывающей пылью.

Когда окончательно стемнело и на небе зажглись первые, самые смелые искры, Кирилл подошел к Максиму, который сидел на пенке у забора и чистил кеды пучком травы, и требовательно ткнулся лбом в его кроссовок. — Пойдем, — мяукнул кот. — Есть дело государственной важности. — Куда? — удивился мальчик. — Я ноги стер в кровь, Кирюш. Я хочу спать и есть тушенку. — Ты спишь днем на крыльце, как старый дед, — отрезал кот. — А ночью нужно смотреть вверх. Степан, открывай калитку, хватит подслушивать.

Пес радостно гавкнул, напугав спящую на ветке ворону, и отодвинул щеколду носом. Они снова шли той же дорогой. Мимо спящих домов, через старый яблоневоый сад, где яблоки падали в траву с глухими, сочными шлепками, к старой речушке. Но сегодня воздух был особенным — чистым, хрустальным, предвещающим первые заморозки. Он пах мокрым деревом и свободой.

Вот и мост. Он стоял всё такой же скрипучий, покрытый скользким зеленым мхом, но теперь казался друзьям не просто переправой, а капитанским мостиком огромного космического корабля. — Встань ровно посередине, — скомандовал Кирилл, запрыгивая Максиму на плечи для равновесия. — И смотри туда. Видишь разрыв в облаках? Левее старой ивы.

Максим задрал голову. Небо сегодня было глубже, чем обычно. Оно не было просто черным — оно было бархатным, темно-синим, и в нем, казалось, можно было утонуть. — Вижу... — прошептал мальчик. — Как чернила. Густые. — Смотри внимательнее, — мурлыкнул кот ему в самое ухо. — Сейчас будет фокус.

И тут Степан, который стоял рядом, тихо, но очень торжественно гавкнул, привлекая внимание. Он тоже смотрел вверх. Прямо над серединой моста, там, где река делала крутой поворот, сквозь прореху в тяжелых свинцовых тучах ударил одинокий серебряный луч. И в этом луче, яркая, чистая, цвета летнего неба перед самой сильной грозой, горела она. Большая бирюзовая звезда. Она не мерцала нервно, а горела ровным, уверенным светом, обещая, что всё будет хорошо.

— Это... та самая? — выдохнул Максим, забыв, как дышать. — Которую вы мне рассказывали? Которая Степана? — Это она, — гордо сказал Кирилл, спрыгивая с плеч мальчика на мокрые перила. — Мой большой, шумный друг нашел ее в самую темную ночь. А я дал ей имя. Максим перевел взгляд с сияющей точки на огромного пса, который сидел рядом, высунув язык, и смотрел на звезду с видом первооткрывателя полюса. — Вы назвали ее... в честь Степана? — В честь его Надежды, — поправил кот. — Степа, подтверди человеку. Пес вильнул хвостом так сильно, что чуть не сшиб кота в воду, и издал тихий, горловой звук, похожий на «Гав-ур-р-р».

Максим вдруг рассмеялся. Он смеялся так звонко и чисто, что, казалось, звезды на секунду замерли, чтобы послушать этот звук. Он обнял огромную, теплую шею пса, а потом подхватил на руки Кирилла, прижимая его к груди. — Спасибо, — прошептал он, и кот почувствовал, как по щеке мальчика скатилась горячая капля. — Я думал, в этом году лето будет самым скучным и тоскливым в моей жизни. А у меня теперь есть вы. И у нас есть своя звезда.

Они стояли на мосту вдвоем до тех пор, пока тучи снова не сомкнулись, спрятав бирюзовый огонек. Но темнота их больше не пугала. Они знали: «Надежда» никуда не делась. Она просто прикрыла свои лучи, как кот прикрывает глаза, греясь на солнце. И она будет ждать их там, наверху, каждую ночь, охраняя покой старого дачного поселка, пахнущего яблоками, речной сыростью и настоящей дружбой.

Глава 3 Поиск залотова орешка

С того вечера, как Максим впервые увидел «Надежду», жизнь в дачном поселке окончательно сошла с привычной орбиты. Прошло три дня. За это время мальчик, кот и пес стали единым, неразделимым организмом. Днем они искали в высокой траве «сокровища» (которыми обычно оказывались красивые стеклышки или потерянные кем-то ключи), а ночью Кирилл учил Максима различать созвездия, пока Степан храпел рядом, положив тяжелую голову мальчику на кроссовки и выводя носом рулады, похожие на гул взлетающего самолета.

Но на десятый день привычный уклад рухнул.

Все началось с приезда синей машины — точно такой же, на которой приехал Максим. Только из этой машины вышло не человеческое дитя, а крошечное, пушистое существо, закутанное в клетчатый плед так плотно, что напоминало живой, дышащий валенок. Это был хомяк Егорак. В одной лапке он сжимал ручку крошечного чемоданчика, обклеенного переводными картинками с рыбками, а в другой — бутерброд с сыром, который был почти в два раза больше самого хомяка. Следом за ним, кряхтя и опираясь на резную палку из можжевельника, выбралась его бабушка — Аграфена Петровна, женщина монументальная, пахнущая пирожками с капустой, земляничным мылом и валерьянкой.

— Привал, внучек, — пробасила бабушка, с грохотом ставя на крыльцо огромный баул, из которого торчали вязанные носки. — Тут воздух-то какой! Спелый. Не то что в нашем бетонном скворечнике на пятом этаже.

Егорак ничего не ответил. Он был слишком занят: он выглядывал из-под пледа, и его маленькие глазки-бусинки не моргали, сканируя местность. Вчера вечером, пока бабушка Аграфена смотрала свой бесконечный сериал про деревенскую любовь, хомяк тайком прочитал взятую из библиотеки потрепанную книгу в мягкой обложке под названием «Пираты Серебряного ручья, или Тайна Золотого Ореха». С этого момента его жизнь потеряла всякий смысл. В книге говорилось, что где-то в этих краях, под корнями самой старой ивы, пират по кличке Одноухий Сильвер зарыл свой главный клад — Золотой Орешек, внутри которого спала настоящая, неразменная удача. Егорак знал: он должен найти его. Иначе зачем вообще быть хомяком, если ты не владеешь неразменной удачей?

Кирилл, наблюдавший за разгрузкой машины с ветки старой вишни, почувствовал неладное. От Егорака пахло не просто хомячьим кормом, опилками и страхом перед высотой. От него пахло одержимостью. Это был запах горячего песка, раскрытой книги и безумия. — У нас проблема, — тихо мяукнул кот, спрыгивая на забор, чтобы лучше видеть. — У него глаза кладоискателя. Это тяжелая форма душевного расстройства. Лечится только валерьянкой, и то не всегда. — Он маленький, — зевнул Степан, который грел на солнце свои старые кости и даже не открыл глаз. — Пусть копает. Мне больше достанется моркови, которую бабушка привезет на грядки. Я чувю, там мешка три, не меньше. — Ты не понимаешь масштаба трагедии, — прошипел Кирилл, нервно дергая хвостом. — Он из породы «Пылесос». Такие хомяки засовывают за щеки всё, что не приколочено, а потом теряют это в самых неожиданных местах. Он перевернет весь поселок вверх дном. Если он найдет мою любимую пробку от портвейна в сарае и решит, что это часть клада, я этого не переживу. Нужно брать дело в свои лапы.

Когда стемнело, на поселок опустилась густая, фиолетовая августовская ночь. Поселок уснул, и только в окне дома, где поселились Егорак с бабушкой, горел свет ночника. Действие началось. Егорак действовал тихо, как заправский диверсант. Он выбрался из своей клетки (оказалось, он умел открывать задвижку носом, поддев ее снизу), прокрался в сарай, нашел там старую алюминиевую столовую ложку и начал копать.

Первым неладное заметил Кирилл. Он сидел на крыше сарая, охраняя сон Максима, который спал на веранде, и видел, как в углу участка, у старой, покосившейся теплицы, земля

начала подозрительно шевелиться. — Он начал с теплицы, — доложил кот по рации (то есть, мысленно передав информацию Степану, который вышел проветриться). — Это стратегическая ошибка. Там одни старые корни, прошлогодняя ботва и дохлые слизняки. Кладов там нет, только грязь. — Может, поможем? — лениво предложил пес, потягиваясь так, что хрустнули суставы. — Я могу выкопать яму размером с бассейн. За пять минут. У меня диплом «Золотые когти» за весенние работы на участке. — Исключено, — отрезал Кирилл. — Если мы выроем яму, бабушка Аграфена решит, что мы ищем, где она закопала заначку на черный день, и нас самих закопают в эту же яму. Мы должны действовать тоньше. Мы должны стать его проводниками. Навигаторами.

Кот развернул свой хвост, словно указку на карте звездного неба. — Смотри. Книга, которую он читал, старая, издания девяносто второго года. В ней на картинке была ива. Но не просто ива, а та, что растет на границе участков — у самого забора, где в прошлом году тракторист дядя Вася выворотил огромный серый булыжник. Пират Одноухий был хитрым: он всегда прятал клады там, где люди боятся копать, потому что боятся сломать лопату. — У булыжника? — уши Степана встали торчком, как антенны. — Там земля твердая, как кирпич. Мой нос чувствует, что там даже кроты плачут от безысходности. — Вот именно, — зеленые глаза Кирилла сверкнули азартом хищника. — Егорак — хомяк. У него лапки, а не экскаватор «Катерпиллер». Он будет копать до первого снега и ничего не найдет, только сотрет в пыль свои молочные зубы. Мы должны привести его к камню, дать понять, что это место «особое», и пусть он думает, что сам догадался. Это называется «интеллигентная манипуляция сознанием младшего».

План был принят единогласно.

Роль «злого следователя» досталась Степану. Кот остался на крыше сарая наблюдать, а пес тяжелой, но на удивление бесшумной тенью двинулся к теплице. Егорак так увлекся процессом, сопя и кряхтя, что не заметил, как огромная, заслоняющая луну тень накрыла его раскоп. Пес опустил нос к самой земле и шумно втянул воздух, прямо над головой хомяка, отчего усы Егорака затрепетали, как флаги на ветру. — Гррр... — издал Степан самый низкий, самый утробный звук, на который был способен его могучий организм. — Здесь копать запрещено. Частная собственность. Патруль «Мокрый нос». Нарушаем, гражданин грызун?

Егорак подпрыгнул от страха так, что чуть не пробил головой крышу теплицы, выронив ложку. Земля посыпалась с его пушистых щек, которые от ужаса стали еще больше. Он посмотрел на гигантского пса, чья голова была размером с его чемоданчик, потом на свою алюминиевую ложку, и его хомячье сердце ушло в пятки, пропустив пару ударов. Он пискнул что-то извиняющееся, что на языке хомяков означало «Я больше не буду, дяденька, только не ешьте меня», подхватил чемоданчик и бросился наутек — в противоположную от теплицы сторону, к забору.

— Идеально, — прошептал Кирилл, спрыгивая вниз. — Бежим за ним. Перехватим у булыжника.

Они настигли беглеца у старой яблони, где рос самый густой подорожник. Хомяк сидел под широким листом, тяжело дыша, и прижимал к груди чемоданчик, словно щит. — Эй, морская свинка, — окликнул его Кирилл, сидя на ветке повыше и умываясь. — Чего копаем? Ищем, где зарыта прошлогодняя морковка? Или пытаемся прорыть тоннель в Австралию? — Я... я ничего... — пропищал Егорак, пытаясь спрятать ложку за спину, что выглядело крайне неубедительно. — Я просто... аэрацию почвы делал. Для блага общества. Улучшал дренаж. — Аэрировал бы ты у себя в клетке, — фыркнул кот, спускаясь ниже по стволу. — Там у тебя, небось, уже нефть можно добывать, если судить по глубине. Мы видели, как ты накинудся на теплицу, как коршун на курицу.

Егорак понял, что отпираться бесполезно. Перед котом-философом и огромным псом он чувствовал себя как грецкий орех перед молотком — раздавленным, но честным. — Я ищу

Золотой Орешек, — признался он, и его усы трагически поникли, как увядшие цветы. — Клад Одноухого Сильвера. Если я его не найду, бабушка увезет меня обратно в город, а там меня ждет только колесо. Вечное, скрипящее колесо! Я не хочу крутиться в пустоту! Я хочу найти удачу! Я хочу быть великим!

Кирилл переглянулся со Степаном. В глазах кота читалось: «Клиент готов. Можно брать тепленьким». — Одноухий был дураком, если зарыл клад в теплице, — авторитетно заявил Кирилл, спрыгивая на землю. — Там сыро. Орешек бы давно сгнил, покрылся плесенью и стал бы Обычным Грецким Орехом. Настоящие пираты прятали сокровища там, где растут плакучие деревья. Чтобы их слезы омывали клад и не давали ему заржаветь. — Плакучие? — глаза Егорак загорелись лихорадочным блеском. Он достал из чемодана книжку и сверил картинку. — У булыжника? Там как раз такая ива! Она всё время роняет ветки, выглядит очень расстроенной и плачет росой! — Мы как раз туда шли, — подал голос Степан, стараясь не вилять хвостом слишком сильно, чтобы не выдать их хитрость. — Проверять, не съел ли там кто-то нашу стратегическую косточку. Можем проводить. Но если обманешь — я на тебя наступлю. Случайно. У меня лапа широкая, ты даже не заметишь, как станешь плоским.

Дорога к старой иве заняла пятнадцать минут. Егорак семенил впереди, сжимая в лапках свою ложку-саперную лопатку, готовый в любой момент начать штурм. Кирилл ехал на спине у Степана, указывая путь кончиком хвоста.

Вот и она — старая, узловатая ива, склонившаяся над травой, словно старушка, ищущая очки. Рядом, преграждая путь, лежал огромный серый валун, покрытый зеленым бархатным мхом, словно природа накрыла его пледом. — Копать здесь нельзя, — строго сказал Кирилл, спрыгивая с собачьего крупа на теплый камень. — Это место силы. Тут геопатогенная зона. Можно только... указывать. — Как это? — растерялся хомяк, переминаясь с лапы на лапу. — Смотри, — кот кивнул Степану. Пес подошел к камню, обнюхал его основание, затем сел на землю и начал яростно скрести мощными задними лапами прямо у корней ивы. Земля полетела во все стороны, как от взрыва. Степан рыл не яму — он рыл траншею, показывая направление. Он остановился только тогда, когда его когти звякнули обо что-то твердое, издав звук, похожий на «дзынь».

Все замерли. Даже сверчки в траве, казалось, перестали стрекотать. Кирилл подошел к краю неглубокой канавки. Там, в лунном свете, блеснуло что-то круглое, желтое, размером с хорошую сливу. — Кажется, я нашел твою косточку, — смущенно пробасил Степан, отряхивая лапы и пытаясь выглядеть равнодушным.

Егорак подскочил к находке. Его лапки дрожали так сильно, что чемоданчик упал в траву. Он схватил предмет и вытащил его из земли. Это был старый теннисный мяч, выцветший до цвета сухой горчицы, с трещиной на боку. Хомяк поднес его к носу, понюхал, и его глаза снова наполнились слезами, готовыми пролиться дождем. — Это не Орешек... — пискнул он, и голос его дрогнул. — Это просто старый, грязный мячик. Моя удача потеряна навсегда. Я вернусь в город и буду крутиться. Прощайте, звезды.

— Не спеши хоронить себя в колесе, — тихо сказал Кирилл. Он спрыгнул с камня, подошел к хомяку и внимательно осмотрел мяч, покрутив его когтем. — Одноухий был не просто пиратом. Он был хитрым пиратом. Он знал, что если закопать золото просто так, его найдет первый же дачник с металлоискателем или собака, решившая поиграть. Он спрятал Орешек внутри чего-то неприметного. Это называется «контейнер».

Кирилл аккуратно поддел когтем потертый шов мяча. Старая резина треснула с тихим вздохом. Внутри, среди слежавшейся пыли, прошлогодней сухой травы и дохлого комара, лежал он.

Это был грецкий орех, покрытый облупившейся золотой краской из баллончика. Он был перевязан грязной, сгнившей бечевкой. Выглядел он как мусор, который кто-то выбросил с

пикника пять лет назад. Но для Егорак это был Священный Грааль, Ковчег Завета и Нобелевская премия одновременно.

Хомяк замер. Он смотрел на орех так, словно боялся, что тот исчезнет, если на него дышать. Затем он медленно, дрожащими лапками, развязал бечевку. И тут случилось второе чудо за этот вечер: старый орех щелкнул и раскололся на две половинки сам собой, без всякого труда.

Внутри не было бриллиантов, золотых монет или карты. Там, на бархатной подушке из сухой травы, лежал маленький, гладкий, абсолютно обычный речной камушек-голыш. Но он светился изнутри мягким, перламутровым светом, пульсируя в такт дыханию собравшихся.

Егорак взял его в лапки. Камушек был теплым. И в этот момент случилось главное чудо. Хомяк, который всегда был суетливым, круглым, вечно куда-то спешащим и нервно набивающим щеки едой, вдруг замер. Его дыхание выровнялось. Он посмотрел на камень, потом на Кирилла, на огромного, счастливо сопящего Степана, на спящие дома поселка, и его мордочка расплылась в самой счастливой улыбке, на которую только способно хомячье лицо. — Он... он пустой, — прошептал Егорак, прижимая камень к груди. — Он не пустой, — мягко мяукнул Кирилл, устраиваясь рядом. — Он наполнен тишиной. Пират Одноухий спрятал там не золото. Он спрятал «Спокойствие». Чтобы тот, кто найдет клад, перестал бежать, суетиться и просто посидел под ивой, глядя на луну. Удача — это не когда у тебя много вещей. Это когда тебе ничего больше не нужно искать.

Егорак кивнул. Слезы счастья катились по его пушистым щекам, но он их не стыдился. Он аккуратно завернул камушек в чистый носовой платок с вышитым слоником, который достал из своего чемоданчика, и спрятал за щеку — не чтобы съесть, а чтобы сберечь, как самое дорогое сокровище на свете.

— Спасибо, — пискнул он. — Вы... вы настоящие друзья. Вы лучше, чем в книге. — Косточку я все-таки заберу, — проворчал Степан, выуживая из канавы теннисный мяч и начиная его жевать с довольным видом. — Нечего добру пропадать. Буду пугать ворон. А то летают тут, понимаешь, над будкой.

Обратно они шли медленно. Егорак больше не суетился. Он ехал на спине у Степана, рядом с Кириллом, и просто смотрел на звезды. Он больше не искал удачу. Он ее нашел. И она пахла не золотом, а сырой землей, старой ивой, пылью из старой книги и друзьями, которые готовы ради тебя прорыть траншею посреди ночи и разгадать загадку старого пирата.

Глава 4 Как кот Кирилл спас пса Степана

С того дня, как хомяк Егорак нашел свой Золотой Орешек (который на проверку оказался простым речным камнем, дарующим спокойствие), компания друзей стала неразлучной. Теперь их было четверо: философ Кирилл, громогласный, но верный Степан, мечтательный Максим и суетливый, но мудрый Егорак, который теперь носил свой талисман за щекой только по большим праздникам.

В один из самых жарких дней августа идея пришла в голову Максиму, когда он пытался оторвать прилипшую к животу футболку. — У нас тепловой удар будет, — заявил он, обмахиваясь панамой, как веером. — Нужно ехать на речку. Быстрянка хоть и обмелела, но вода там — как парное молоко, и пиявки почти перевелись.

Идея была принята на ура. Степан радостно гавкнул, представляя, как будет поднимать тучи брызг и пугать местных уток. Егорак запищал от восторга, решив, что на речном берегу наверняка найдутся редкие минералы и, если повезет, окаменелости динозавров. Максим начал собирать полотенца и искать запасные кеды. И только Кирилл, наблюдавший за этой суетой с верхушки книжного шкафа, замер, и его шерсть невольно встала дыбом. — Вода, — прошипел он, нервно дергая кончиком хвоста. — Это мокро. Это холодно. Это... это негигиенично. В воде живут рыбы, они смотрят на тебя без всякого уважения, и там пахнет тиной. Я остаюсь дома. Буду охранять вентилятор и сушить свои усы.

Но демократия в их компании была жесткой и не терпела возражений, если дело касалось спасения от жары. Максим взял кота на руки, проигнорировав его жалобный писк, Степан подцепил носом рюкзак с бутербродами, а Егорак уютно устроился в просторном кармане шорт мальчика, захватив с собой маленькую кисточку для чистки пыли. Путешествие началось.

Река встретила их слепящим солнцем, стрекотом кузнечиков в прибрежных ивах и густым запахом тины. Быстрянка и правда обмелела: там, где раньше была глубина, теперь торчали спины гладких, скользких валунов, а течение лениво перекачивалось через них, пуская солнечных зайчиков по дну. Степан первым ворвался в воду. Он не вошел — он взорвался, как глубинная бомба, подняв фонтан брызг и окатив Максима и Егорака с ног до головы. — Холодно! — взвизгнул хомяк, отряхивая свои роскошные усы. — Я не подписывался на криотерапию! У меня мех свалится! — Класс! — басил Степан, нарезая круги по мелководью. Его мощное, черное тело рассекало воду, как торпедный катер. — Идите сюда! Тут на дне ил, в нем можно копать! Я чувствую, там зарыт череп тираннозавра!

Максим хохотал, снимая кеды и закатывая джинсы. Егорак, забыв про страх перед водой, уже тащил к берегу свое маленькое ведерко и сито, чтобы «промыть породу». Кирилл сидел на сухом пенке в тени старой плакучей ивы. Он поджал лапы, превратившись в идеальный черный пушистый шар, и делал вид, что он просто деталь пейзажа, неодушевленный предмет интерьера. — Кирюх, ну чего ты? — Максим зашел в воду по колено, ежась от холода. — Иди сюда, вода — прелесть! Прохладная, чистая, комары не кусают! — Я в отпуске, — сухо ответил кот, даже не повернув головы. — Мой отпуск — это солнечные ванны в сухом виде. И я запрещаю вам входить в воду глубже, чем по пояс. Там могут быть водовороты.

Но друзья были настойчивы и полны коварства. Максим и Степан разработали операцию «Мокрый кот», которая нарушала все пункты техники безопасности. Степан зашел сзади и аккуратно, но сильно подтолкнул кота носом прямо в пушистый, поджатый зад. Кирилл, не ожидавший такой подлости от «начальника охраны», потерял равновесие и с коротким, возмущенным мявом, напоминающим визг тормозов, полетел вперед. Максим, стоявший наготове с полотенцем, попытался поймать его на руки, но кот был скользким от паники и ужаса. Они рухнули в воду вместе, подняв тучу брызг.

Вынырнули они в разных концах заводи. Кирилл был страшен. Его шерсть, еще недавно бывшая гордостью фелинологов и предметом зависти соседских кошек, превратилась в мокрые, жалкие сосульки, облепившие худое тело. Он напоминал утопшую крысу, которая потеряла веру в человечество и бога. — Убью, — пообещал он, лязгая зубами так, что было слышно на том берегу. — Сначала тебя, псина мохнатая, потом тебя, человек неблагодарный! Вода попала в уши! Мой внутренний баланс нарушен! Я простужусь и умру, и на моей могиле напишите: «Его убила дружба».

Весь следующий час Максим и Степан пытались «приучить его к воде», что больше напоминало пытку военнопленного. Они брызгали в него, пытались заманить на глубину червяком на палке (Степан нашел жирного червя в иле и был очень горд) и даже пытались катать кота на надувном резиновом круге, который притащил Егорак. Кирилл шипел, как закипающий чайник, и царапал всё, до чего только могли дотянуться его острые, как иглы, когти. Он стоял на мелководье, вцепившись когтями в илистое дно, и вода доходила ему ровно до подбородка. Это был предел его героизма.

— Ладно, — сдался наконец Максим, вылезая на берег и расстелив большое махровое полотенце с нарисованными пальмами. — Пусть будет по-твоему. Мы идем загорать. Егорак, пойдем искать красивые камушки вон там, на том песчаном перекате. Там, говорят, яшма встречается.

Хомяк, который уже успел найти три медные монетки 1961 года и старый резиновый башмак, радостно запищал. Они с Максимом отошли далеко вдоль берега, нашли уютную песчаную отмель, окруженную густым кустарником, и улеглись на горячие полотенца. Солнце припекало. Максим закрыл глаза, слушая плеск воды и довольное фырканье пса. Егорак задремал, зажав в лапке особенно блестящий кусочек кварца. Через пять минут на пляже уже слышалось только тихое, мерное сопение двух друзей.

Степан, оставшийся в воде, чувствовал себя королем этого мокрого мира. Он гонялся за стайками мальков, пытался пасти собственные лапы, которые разбегались в разные стороны, и был абсолютно, безгранично счастлив. — Эй, шерстяной! — крикнул он коту, который сидел на берегу, вылизывая лапу и демонстративно глядя в другую сторону. — Слабак! Смотри, как надо! Тут даже дна иногда не видно, так весело! Настоящий пловец дна не ищет!

Ощущение собственной неуязвимости и плавучести ударило псу в голову. Он решил, что мелко плавать — это для черепах и домашних уток. Настоящий страж поселка должен владеть водной стихией в совершенстве. Там, чуть дальше по течению, река делала крутой поворот, огибая старую ольху, и вода становилась темной, глянцевой и пугающе неподвижной — там был глубокий омут. — Сейчас я вам покажу класс, — пробурчал Степан себе под нос, отфыркиваясь. — Запомните этот исторический заплыв.

Он мощно оттолкнулся лапами от дна и поплыл на глубину. Сначала всё шло просто великолепно. Его широкая грудь уверенно рассекала воду, уши смешно хлопали по воде. Но дно внезапно, предательски ушло из-под задних лап. Глубина схватила его за живот. Пес попытался нащупать опору — пусто. Он попытался развернуться к берегу — но течение, хоть и слабое, уже подхватило его массивное тело и потащило дальше, туда, где корни старой ольхи уходили в черную, как смола, воду.

Степан забил лапами. Впервые за много лет он почувствовал не радость купания, а ледяной, первобытный ужас. Вода была везде — в пасти, в ушах, заливала глаза. Он был отличным пловцом на мелководье, но здесь, где нельзя было коснуться дна, его огромный вес стал его врагом. Он начал тонуть. Его тяжелая голова всё ниже и ниже уходила под воду, и вместо грозного лая слышалось только отчаянное, булькающее сопение. Он пошел ко дну, как топор.

На пляже было тихо и сонно. Максим и Егорак спали мертвым сном, укрыв головы от солнца кепками. Кирилл сидел рядом, охраняя их покой. Он всё еще был обижен на воду и человечество, но долг есть долг. Внезапно тишину разорвал звук, который не мог принадле-

жать этому мирному, солнечному дню. Это был не плеск, а тяжелый, захлебывающийся хрип, переходящий в глухой стон.

Кот вскинул голову. Его зеленые глаза, обычно ленивые и сонные, превратились в два осколка льда. Он увидел голову Степана. Пес ушел под воду, вынырнул на секунду, хватая пастью воздух с хрипом, и снова скрылся в воронке. Течение несло его прямо на торчащие из воды, как копыя, корни поваленного дерева.

— Макс! — крикнул Кирилл, но мальчик даже не пошевелился, разморенный солнцем. — Егорак! Просыпайся! Хомяк спал, накрыв мордочку лапками, и только жалобно пискнул во сне.

У Кирилла перехватило дыхание. Страх высоты, страх воды, страх всего мокрого и противного — всё это сжалось в один тугой, ледяной комок в животе. Но там, в темной, холодной воде, был его друг. Тот, кто назвал в его честь звезду. Тот, кто делил с ним чердак и охранял его сон.

Кот не стал думать. Инстинкт сработал быстрее разума, отключив все страхи. Он разбежался. Это был не изящный, грациозный прыжок пантеры, это был отчаянный, корявый скачок испуганного насмерть зверя. Он оттолкнулся от корня ивы всеми четырьмя лапами, растопырив их, как белка-летяга, и полетел в реку, прямо в то место, где в последний раз видел черную макушку пса.

Вода встретила его ледяным ударом. Она сомкнулась над головой, залепила уши, обожгла легкие огнем. Кирилл, который никогда в жизни не плавал по-настоящему, предпочитая ванны в тазу, просто забил лапами, движимый одной мыслью, бьющейся в голове: «Там Степа. Он тяжелый. Он тонет».

Он нырнул. В мутной, темной воде он открыл глаза, которые тут же защипало. Огромная, лохматая туша пса медленно опускалась на дно, как затонувший корабль. Кирилл вцепился зубами в то, что попало под руку — это был широкий кожаный ошейник Степана с медной пряжкой.

Это было всё равно что пытаться поднять на зубах мешок с картошкой. Ошейник врезался в пасть, вода давила на спину, выталкивая наверх, легкие горели огнем, требуя вдоха. Но кот не разжал челюсти. Он уперся задними лапами в широкую, скользкую от ила грудь пса и, хрипя от натуги, начал грести к поверхности, работая всем телом, как бешеная землеройная машина.

Воздух. Он вырвался на поверхность, таща за собой тяжелое, безвольное тело. Течение помогало, подхватив их и неся к берегу, но вес Степана был огромен. Кирилл греб к берегу, и каждый гребок отдавался болью в плечах и шее. Он не чувствовал ни страха, ни холода — только тупое, яростное, упрямое желание вытащить эту тяжелую голову из воды.

Когда его лапы коснулись илистого дна у берега, он просто выволок пса на песок, упираясь изо всех сил. Степан лежал огромный, тяжелый и страшный. Из пасти лилась вода. Он не дышал.

— Дыши, дурак шерстяной, дыши! — закричал Кирилл, впервые в жизни потеряв свою интеллигентную выдержку и аристократическую бледность. Его голос сорвался на визг.

Он упал на грудь пса, уперся в нее передними лапами, которые казались просто игрушечными на фоне огромного тела, и начал делать то, что, как он видел, делают люди в кино — давить. Ритмично, сильно, вкладывая всю свою небольшую массу, пытаясь вытолкнуть воду из легких. — Вдыхай! — орал кот, и слезы ужаса и ярости катились из его глаз, смешиваясь с речной водой. — Выдыхай воду, блохастый мешок! Не смей мне тут умирать, я тебе этого не прощу!

Раздался страшный, kloкочущий звук, похожий на работу насоса. Степан перевернулся на бок, и из него хлынул поток речной воды, смешанной с песком. Он закашлялся, перевернулся на живот и тяжело, со свистом втянул в себя воздух. Живой.

Кирилл отпрыгнул назад, как ошпаренный. Его трясло. Зубы стучали так, что, казалось, крошилась эмаль, а мокрая шерсть стояла дыбом, делая его вдвое больше. Он был мокрый насквозь, худой, жалкий и дрожал не от холода реки, а от пережитого ужаса.

Степан, всё еще кашляя и выплевывая ил, поднял тяжелую голову. Его карие глаза, полные слез и собачьей тоски, смотрели на кота. Он попытался встать, но лапы подкосились, как желе. Тогда он пополз по песку — огромный, поверженный гигант — прямо к Кириллу.

Степан не стал лизать его или гавкать. Он просто ткнулся своей огромной, мокрой, тяжелой головой в грудь кота. Он прижал Кирилла к себе так осторожно, как только мог, боясь раздавить хрупкого друга в мокрую лепешку. Его бока всё еще ходили ходуном, пытаясь отдышаться. Кирилл замер. Он ожидал чего угодно — насмешки, рычания, приказа «принеси палку». Но пес просто обнимал его, вдыхая запах мокрой кошачьей шерсти и пытаясь согреть своим теплом.

И в этот момент Кирилл понял. Вода — это не страшно. Страшно — это когда твоего друга уносит течением, а ты стоишь на берегу, потому что боишься намочить лапки. Вода — это просто жидкость. А вот это, теплое, лохматое, тяжело дышащее и прижавшееся к нему — это безопасность.

Кот поднял лапу и неуверенно положил ее на шею пса. Потом вторую. Он обнял Степана в ответ, зарывшись носом в его густую, пахнущую рекой и тиной шерсть. Он больше не дрожал. — Я тебя чуть не утопил, — прохрипел Степан, отстраняясь и виновато глядя на кота, его голос всё еще был хриплым. — Ты... ты прыгнул. Ты же ненавидишь воду больше, чем пылесос. — Заткнись, — тихо мяукнул Кирилл, но в его голосе не было злости. Только бесконечная усталость и облегчение, от которого подкашивались лапы. — В следующий раз сам плавай в своем дурацком омуте. Я тебя оттуда зубами вытаскивать не буду, старый дурак. Тяжелый, как сейф с деньгами.

Максим и Егорак проснулись от этого крика и хрипа и увидели картину, от которой у них перехватило дыхание: огромный мокрый пес и маленький мокрый кот стояли на песке, вцепившись друг в друга мертвой хваткой, словно боялись, что если отпустят, то кто-то из них исчезнет навсегда.

С того дня они больше никогда не уходили далеко от берега, когда купались. Но это было уже не важно. Потому что Кирилл больше не сидел на берегу, охраняя полотенца. Он заходил в воду по самый живот, недовольно фыркал, когда волны захлестывали его, но стоял там, пока Степан плавал. И если пес заплывал чуть дальше, чем следовало, увлекшись погоней за корягой, Кирилл садился на камень и смотрел на него так пристально и тяжело, что Степану становилось совестно, и он тут же поворачивал к мели, виновато виляя хвостом.

Их дружба теперь была глубже, чем самая глубокая яма на дне Быстрянки. И Кирилл больше никогда не боялся воды, потому что знал: самое страшное — это не намочнуть. Самое страшное — это потерять того, кто ждет тебя на берегу.

Глава 5 Детства Степана

Сентябрь окончательно вступил в свои права. Дачный поселок опустел: соседи заколотили окна, увезли последние банки с вареньем, и только старый ворон всё так же сидел на верхушке ели, провожая взглядом улетающие на юг стаи. В доме стало тише, и по вечерам друзья всё чаще собирались на чердаке, спасаясь от сырости, ползущей из погреба.

Однажды Максим, которому наскучило играть в подкидного дурака с Егораком (хомяк жульничал, пряча козыри за щекой и делая вид, что это просто щеки от природы такие пухлые), решил навести порядок на самом верху, в дедушкиной мансарде. Лестница скрипела еще жалобнее, чем обычно, словно жалуясь на старость. Поднявшись наверх, мальчик оказался в царстве пыли, старых лыж, пахнущих канифолью, и запаха времени, которое здесь застыло.

Солнечный луч, пробившийся сквозь круглое слуховое окно, освещал горы забытых вещей, покрытых серыми саванами простыней. Максим чихнул и сдул пыль с тяжелого картонного ящика, стоявшего в самом углу. Внутри, переложённые пожелтевшей, ломкой папиросной бумагой, лежали сокровища его детства: оловянные солдатики с отломанными ружьями, сломанный самолет с винтом на резинке и толстый альбом в бархатной обложке цвета запекшейся крови.

Мальчик стер с обложки серый налет и открыл его. Плотный хрустящий картон пахнул клеем и чем-то неуловимо родным. — Кирюх! Егор! Сюда! — крикнул он вниз, и его голос эхом прокатился по дому.

Кирилл, который как раз учил Егорака медитировать на подоконнике (хомяк пытался уснуть, но его отвлекал собственный пульс), недовольно дернул ухом, но любопытство взяло верх. Через минуту вся компания была на чердаке. Степан, которому было тяжело и страшно лезть по узкой лестнице, просто положил передние лапы на верхнюю ступеньку, тяжело дыша, и заглядывал внутрь, занимая собой почти весь проем.

Максим сидел на полу, скрестив ноги, и бережно, кончиками пальцев, переворачивал плотные страницы. Альбому было лет двадцать. На фотографиях был маленький мальчик с серьезными, испуганными глазами — сам Максим. — Смотрите, — улыбнулся он, но улыбка вышла грустной. — Это я в зоопарке. Меня тогда напугал жираф, я думал, он меня проглотит. А это мы с папой строим скворечник... Папа тогда еще жил с нами. А вот тут я в костюме зайчика на утреннике... Уши всё время падали на глаза. Я тогда так стеснялся, что съел всю морковку со стола, даже чужую, чтобы никто не видел моего лица.

Кирилл и Егорак склонились над альбомом. Хомяк восхищенно цокал языком, рассматривая качество печати и плотность бумаги, а кот водил лапой по глянцевым фотографиям, словно пытаясь дотронуться до призраков прошлого. — У тебя было хорошее детство, — тихо мяукнул Кирилл, и в его голосе прозвучала странная, кошачья зависть. — Тебя любили. Тебя наряжали в нелепые колючие костюмы и кормили настоящими шоколадными конфетами.

Егорак важно кивнул, поправив свой талисман-камень за щекой, чтобы тот не выпал от резкого движения: — У меня тоже было неплохо. Я родился в зоомагазине, в большой стеклянной витрине. У меня было три брата, и мы постоянно делили одно колесо — оно было только одно на всех. Но меня никто никогда не бил. Только иногда тетя-продавец шуршала пакетом с кормом слишком громко, и мы пугались.

Вдруг Кирилл заметил, что Степан не смотрит в альбом. Пес сидел в самом дальнем, темном углу чердака, куда почти не попадал свет, и тяжело вздыхал. Его огромная голова была опущена так низко, что борода касалась пыльных досок, а хвост, обычно работающий как пропеллер вертолета, лежал на полу неподвижной, мертвой плеткой. — Степ, — позвал Максим, переворачивая страницу. — Иди сюда. Иди, не сиди там. Смотри, какой я тут смешной, с этим дурацким бантом на шее. Я похож на девчонку.

Пес медленно, словно неся на плечах невидимый груз, подошел. Он тяжело вздохнул прямо над ухом мальчика, обдав его запахом псины, сырости и чего-то еще — очень старого и горького. Он посмотрел на фотографию счастливого ребенка, потом на счастливое лицо самого Максима, и его карие глаза, обычно веселые и наглые, потемнели от такой глубокой тоски, что Максиму стало не по себе. Он не улыбался. Он смотрел на чужое счастье, как на недостижимую звезду, которая светит другим, но никогда не достанется ему.

Кирилл и Максим переглянулись. Кот, обладавший невероятной интуицией, тихо, почти беззвучно спросил: — Степа... А у тебя есть такие фотографии? Такие... счастливые?

Пес вздрогнул так сильно, словно его ударили током. Он резко вскинул голову, и в его глазах блеснуло что-то влажное, предательское. Он попытался отвернуться, сделать вид, что просто чешет за ухом, но было поздно. Большая, тяжелая слеза, размером с ягоду черники, сорвалась с его ресницы и с глухим, мокрым стуком упала на старый деревянный пол.

Максим замер. Егорак пискнул, как резиновый мячик, и мгновенно спрятался за спину кота, выглядывая только одним глазом. Кирилл, обычно язвительный, холодный и язвящий, вдруг стал очень серьезным. Его шерсть не встала дыбом, он не зашипел. Он просто смотрел. — Эй, — мальчик подполз к псу на коленях, путаясь в штанинах. — Степ, ну ты чего? Мы же просто спросили. Не надо, если больно. Правда. Мы не будем больше.

Степан попытался смахнуть слезу носом, но она предательски покатилась по черной шерсти, оставляя широкую, мокрую дорожку. Он шумно, со свистом выдохнул, обдав мальчика запахом псины и пыли. Он посмотрел на Максима, на Кирилла, на маленького хомяка, который дрожал, как осиновый лист, и понял, что этим друзьям он может доверить всё. Даже то, от чего больно дышать даже в самую жаркую летнюю ночь.

Пес тяжело вздохнул, подошел к старому, перевернутому детскому оцинкованному ведерку и сел на него, как на качели или трон. Он обвел всех взглядом, собираясь с мыслями, и его огромные плечи опустились еще ниже. — Я... я расскажу, — его голос был хриплым, надорванным и тихим, совсем не похожим на его обычный громкий, раскатистый лай, от которого дрожали стекла. — Только вы... вы обещайте не уходить. И не жалеть меня. Я этого не люблю.

Максим тут же обхватил мощную, дрожащую шею пса руками, прижавшись щекой к его теплоту, колючему уху. — Мы никуда не уйдем, — прошептал он, и его собственные глаза предательски защипало. — Мы твоя семья теперь. Слышишь? Никуда.

Степан благодарно лизнул мальчика в макушку — шершаво, мокро — и продолжил, хотя его голос дрожал, как натянутая струна:

— Я не помню, когда я родился. Я не знаю, какой была моя мама. Я был обычным щенком. Маленьким, черным, с белым пятном на груди, похожим на тающий снег. И безобидным. Я не умел кусаться. Только я отличался тем, что у меня никогда не было мамы. Я не знаю, почему. Я просто очнулся от холода в картонной коробке за продуктовым магазином. Там пахло гнилыми овощами и рыбьей чешуей. Я был совсем один. Я звал. Я скулил так громко, как только мог, пока голос не пропал. Но пришла только ночь.

Пес замолчал, сглатывая ком в горле, который, казалось, застрял там навсегда. — Была зима. Настоящая, злая, с ледяным ветром, который пробирал до самых костей, до самого сердца. Я выходил на улицу и подходил ко всем людям, которых встречал. Я вставал на задние лапки, вилял хвостом, как умел — неумело, по-детски, — и заглядывал им в глаза. Я спрашивал их, не видели ли они мою маму. Я не умел говорить по-человечески, но я так старался объяснить, так заглядывал в лица... А вместо ответа я чаще всего получал пинок. Ногой прямо в мой маленький, пустой, сводимый голодом животик. Люди кричали на меня, махали сумками, прогоняли. Я научился бояться протянутых рук. Я думал, что рука нужна только для того, чтобы бить.

Голос Степана сорвался окончательно. Он закрыл глаза, и из-под век покатились новые слезы, падая в пыль. — Как-то раз было особенно холодно. Настоящий собачий холод. Мои

лапки примерзали к асфальту, и я их уже не чувствовал. Снег резал нос. Я так замерз, что уже не мог скулить, только дрожал. И тут я увидел человека. Это была маленькая девочка. На ней была смешная шапка с огромным помпоном, который болтался из стороны в сторону. Кажется, её звали Лиза... Или Маша... Я сейчас уже плохо помню человеческие имена, они все сливаются. Она не стала кричать или убегать. Она села передо мной прямо на грязный, черный снег, сняла свой шарф и укутала меня. «Бедненький, — сказала она. — Ты потерялся? Замерз?».

Степан лизнул руку Максима, который всё еще обнимал его, вцепившись пальцами в густую шерсть. — Лиза взяла меня домой. Её отец... он не очень любил собак. Он всё время хмурился, смотрел телевизор и говорил, что от меня шерсть на ковре и запах. Но из-за любви к дочери он стал меня терпеть. Я старался быть самым лучшим псом на свете. Я приносил ему тапочки, даже если они были разные. Я не лаял по ночам, даже когда слышал, как воют волки в лесу. Я спал в ногах у Лизы и охранял её сны. Я был счастлив. По-настоящему. У меня появился дом. У меня появилась девочка. У меня была семья.

Пес снова замолчал. Его плечи затряслись мелкой, болезненной дрожью. Егорак, не выдержав, подбежал и начал тереться о его лапу, тихо попискивая. — Но счастье... оно всегда заканчивается, — прошептал Степан, и его голос стал похож на шелест сухих листьев. — Оно было коротким. Всего полгода. В один день, когда Лиза ушла в школу, а отец ушел на работу, я остался один. Мне было скучно. Я бегал по комнатам, играл... И я случайно... я просто хотел поиграть хвостом... я задел край стола. И упала её любимая ваза. Большая, фарфоровая, с синими цветами, которую привезли откуда-то издалека. Она не просто разбилась. Она разлетелась на миллион мелких, звонких осколков.

Степан заскулил — тонко, по-щенячьи, хотя был огромным, взрослым псом, способным перекусить черенок лопаты. — Я слышал, как поворачивается ключ в замке. Я слышал, как отец Лизы кричал на неё в коридоре за какую-то тройку. Я спрятался под диван. Я думал, он про вазу не узнает. Но они всё равно нашли меня. Отец Лизы... он не кричал. Он был страшнее всего, когда молчал. Он вошел в комнату, посмотрел на осколки, потом посмотрел на меня. И в его глазах не было Лизы. Там была только ярость. Он схватил меня за шкуру и начал бить. Сначала рукой, потом ногой. Мне было так больно, что в глазах потемнело. Я забился под диван, поджал хвост, я даже не огрызался. Я просто выл от ужаса и боли. А он... он схватил меня за ошейник, потащил к двери. Он не смотрел на меня. Он открыл машину, затолкал меня на заднее сиденье, грязного и скулящего, и повез. Я думал, мы едем в лес, чтобы убить. Я прощался с жизнью.

Степан закрыл глаза лапой, пытаясь спрятаться от воспоминаний. — Но он привез меня сюда. В дачный поселок. Он остановил машину около старой, заброшенной школы, где выбиты окна. Он открыл дверь, схватил меня за шкуру, как мешок с мусором, и просто вышвырнул на дорогу. Я кубарем покатился по гравию. «Убирайся, — сказал он. Не кричал, а сказал, как выплюнул. — Чтоб я тебя больше не видел». И уехал. Звук мотора затихал, а я лежал на обочине. Я сидел на ледяной земле и выл. Я выл так, как воют на луну мертвые собаки. Я думал, что это конец. Что в мире нет людей добрых. Что я сам виноват. Я был один, снова один, и теперь у меня даже не было картонной коробки. Я дрожал так сильно, что, казалось, мое сердце выпрыгнет и разобьется, как та ваза. Я уже приготовился замерзнуть насмерть прямо у забора этой проклятой школы...

Максим не выдержал. Он зарыдал в голос — громко, по-детски, не сдерживаясь. Он обхватил пса так крепко, как только мог, словно пытаясь защитить его от прошлого. — Не надо, Степ, хватит! — всхлипывал мальчик. — Мне так жаль! Прости, что мы спросили!

Но пес мягко, но настойчиво отстранил его лапой, вытер свою мокрую морду о плечо мальчика и продолжил, хотя его голос дрожал, срываясь на каждом слове: — Но вдруг... я почувствовал тепло. Не от солнца, а живое, домашнее тепло, которое идет от печки. Кто-то

открыл калитку. Я думал, это сторож, сейчас снова прогонит, ударит палкой. Но ко мне подошла старая женщина. Маленькая, сгорбленная. У неё были такие мягкие, теплые руки... Она не кричала. Она просто смотрела на меня, на этого грязного, трясущегося щенка посреди дороги. Она вздохнула, взяла меня на руки и понесла в дом. Я сидел на её большой, теплой кровати, а она смотрела на меня, качала головой и вздыхала. Она не ругала меня за то, что я грязный. Она не била меня за то, что я чужой. Она напоила меня теплым молоком с медом и накрыла старым пуховым платком, который пах травами. И с того дня я живу с ней. Её зовут Лера Петровна. Её внучки — они приезжают редко, только летом... они очень любят меня. Они называют меня «наш медвежонок» и приносят мне сахарные косточки. И я... я снова научился вилять хвостом. Но иногда... иногда, когда идет такой же холодный дождь, я просыпаюсь и всё еще жду, что в машину сядет Лиза.

На чердаке повисла тяжелая, свинцовая тишина, нарушаемая только шумом начавшегося за окном дождя, который барабанил по крыше, как по крышке гроба.

Первым не выдержал Егорак. Маленький хомяк подбежал к огромной лапе пса, встал на задние лапки и обнял её передними, прижавшись всем своим крошечным, пушистым телом, словно пытаясь согреть эту черную колонну. Кирилл, обычно презиравший сантименты и считавший слезы признаком слабости, подошел к голове Степана. Он не стал мяукать. Он просто потерся лбом о мокрый, холодный нос пса, прижался щекой к его щеке и замер. — Дурак ты лохматый, — тихо, срывающимся голосом сказал кот, и его зеленые глаза потемнели от боли. — Самый лучший, самый глупый дурак на свете. Тебя нельзя было бить. Никогда. Никому.

Максим плакал, не стесняясь и не вытирая слез. Он обхватил шею пса, прижался к нему и зашептал прямо в мокрое, теплое, дрожащее ухо: — Тише, Степ. Тише. Они плохие, злые люди, а мы — хорошие. Слышишь? Мы тебя никому не отдадим. Никогда. Ни за какую вазу, ни за что на свете. Мы твой дом. Мы твоя настоящая семья. Мы тебя никому не дадим в обиду.

Степан посмотрел на них — на плачущего мальчика, на кота, который впервые в жизни не пытался казаться гордым и неприступным, на маленького хомяка, вцепившегося в его лапу, как утопающий в спасательный круг. Он почувствовал, как что-то тяжелое и ледяное, что лежало у него на душе все эти годы, наконец треснуло. Плотина прорвалась.

Он не зарыдал в голос. Он просто положил свою огромную, тяжелую голову на колени к Максиму, закрыл глаза, и из его пасти вырвался долгий, глухой, вибрирующий стон, переходящий в вой. Это был вой не боли, а освобождения. Впервые за много лет он чувствовал себя в полной безопасности. Он был дома. И у него снова была семья. И даже если это были кот, мальчик и хомяк на пыльном чердаке — это была самая лучшая семья в мире.

Глава 6 Городская легенда

С того дождливого дня на чердаке, когда Степан обнажил перед друзьями свои самые старые, самые гниющие раны, что-то неуловимо, но безвозвратно изменилось в самом воздухе дачного поселка. Словно невидимая нить, связывающая их, натянулась до предела и зазвенела, как перетянутая струна гитары. Они больше не были просто котом, псом, мальчиком и суетливым хомяком, живущими по соседству. Они стали Стаей. Настоящей, дикой, той, где каждый чувствует боль другого как свою собственную, где тепло одного греет всех, а страх одного заставляет всех обнажить клыки.

Осень вступала в свои права безжалостно и стремительно. Дожди лили стеной уже третьи сутки подряд, смывая с деревьев последнее, истерзанное ветром золото, превращая дороги в вязкие реки грязи. Ветер завывал в старой печной трубе так тоскливо и протяжно, что даже неунывающий Егорак перестал делать свои бесконечные тайники с фантиками и просто сидел на подушке у электрического обогревателя, нахохлившись, как замерзший воробей. Дни стали короткими, серыми и вязкими, похожими на мокрую вату.

Именно в один из таких вечеров, когда за окном не было видно даже соседского забора из-за плотной, свинцовой пелены ливня, в тяжелую дубовую дверь дома, где жили Максим и Кирилл, постучали. Это был не обычный стук — осторожный, вежливый, какой бывает у почтальонов или Аграфены Петровны, приносящей пирожки. Это был тяжелый, требовательный удар кулаком, от которого задребезжали стекла в старом серванте, а с притолоки посыпалась сухая побелка.

Кирилл, дремавший на батарее в позе египетского сфинкса, мгновенно выгнул спину идеальной дугой, шерсть на его хвосте распушилась, как ершик для чистки бутылок. Степан, дремавший у самого порога на коврик, вскочил на все четыре лапы одним текучим движением, и черная шерсть на его загривке встала дыбом, превратив домашнего увальня в первобытного волка. Максим, читавший книгу под одеялом с фонариком, замер, и луч света дрогнул, выхватив из темноты испуганные глаза Егорака, который выглядывал из кармана штанов.

Стук повторился. Громче. Настойчивее. Словно тот, кто стоял снаружи, знал, что внутри кто-то есть, и не собирался уходить.

— Кто там? — крикнул Максим, и голос его предательски дрогнул, сорвавшись на фальцет.

Вместо ответа — только оглушительный шум дождя, бьющего по крыше, и тяжелое, хриплое сопение за дверью, похожее на дыхание паровоза. Пес подошел к порогу, оскалив клыки. Низкое, вибрирующее рычание, идущее из самой глубины грудной клетки, зародилось в его груди, заставляя вибрировать половицы. — Стой, — тихо, но властно сказал Кирилл, спрыгивая с батареи. Он приземлился на все четыре лапы абсолютно бесшумно. Кот подошел к двери, не касаясь ковра, и припал носом к щели под дверью, вдыхая воздух. Его усы дрожали. — Стой на месте, Максим. Не подходи. Это не Аграфена. Это... чужой. И от него пахнет бедой. Пахнет мокрой землей и открытыми могилами.

Стук прекратился. На секунду повисла звенящая, неестественная тишина, в которой было слышно, как тикают старые часы на стене, а затем раздался звук, от которого у Максима кровь буквально застыла в жилах — длинный, протяжный, тоскливый вой. Он был похож на плач, но в нем не было ничего человеческого. Это был голос абсолютного, бесконечного одиночества, того, кто заблудился в холодном лесу и знает, что рассвета уже не увидит.

Степан зарычал громче, низко, переходя на рев, готовый броситься на дверь, вынести её плечом и защищать свой дом до последней капли крови. — Тихо! — прошипел Кирилл, прижимая уши к голове так плотно, что они почти исчезли. — Не лаять. Молчи. Он один. Я чувствую только одну душу. Но он... он зовет. Он проверяет.

Максим, дрожа всем телом, но стараясь не показывать страха перед котом и псом, подошел к двери. Он посмотрел в старый латунный глазок. В мутном, искажающем стекле отразилось что-то огромное, черное, бесформенное, слившееся с темнотой ночи. Оно стояло прямо под единственным уцелевшим фонарем во дворе, и вода стекала с него ручьями, образуя у порога целое озеро.

— Это... это собака? — прошептал мальчик, чувствуя, как колени подкашиваются. — Это не просто собака, — ответил Кирилл, и в его обычно ироничном голосе прозвучал древний, животный, первобытный страх. — Это Пес Потерянных. Тот, кто ищет дорогу домой, но забыл, где она. Тот, кто воет на перекрестках в бурю, забирая с собой тех, кто слишком глуп или слишком добр, чтобы открыть ему дверь.

Максима сковал ледяной ужас. Городские легенды, которые он читал в книжках про привидений при свете фонарика, вдруг стали осязаемой, мокрой реальностью. За дверью стоял призрак. Дух всех брошенных собак.

Но в этот момент Степан перестал рычать. Он сел. Его уши, до этого прижатые в готовности к бою, медленно, неуверенно опустились. Он перестал быть стражем и стал просто собакой, услышавшей крик о помощи того, кто одной с ним крови. Он посмотрел на Кирилла, потом на Максима, и в его глазах плескалась такая бездна тоски, что у мальчика перехватило дыхание. — Я должен узнать, — тихо, почти беззвучно сказал пес. — Так нельзя. Даже если это сама Смерть с косой пришла под нашу крышу, мы не можем захлопнуть дверь. Мы не такие.

Кирилл хотел возразить, хотел зашипеть, напомнить про «Надежду», про то, что они только-только обрели этот хрупкий, теплый покой, но он посмотрел в глаза Степана и промолчал. В них была та же страшная, обреченная решимость, с которой кот прыгнул в темную реку, чтобы вытащить тонущего друга.

Максим медленно, словно во сне, словно его руки налились свинцом, протянул дрожащую ладонь к замку. Поворот ключа прозвучал в мертвой тишине дома как оглушительный выстрел.

Дверь распахнулась внутрь.

На крыльце, заполнив собой весь проем так, что косяки заскрипели, стоял пес. Он был огромен. Больше Степана. Черная, как самая густая смола, шерсть свалилась в тяжелые, ледяные сосульки, с которых лилась вода, образуя на пороге и в прихожей настоящие лужи, быстро затекающие под линолеум. Он был похож на Степана — такая же мощная грудь, такие же тяжелые, сильные лапы, такая же стать, — но этот пес был старше, изможденнее, и от него пахло не домом, не едой, не травой. От него пахло сырой землей, заброшенным склепом и безысходностью. Его глаза, два желтых, фосфоресцирующих фонаря, горели в темноте, но в них не было угрозы, не было ярости. В них была только бесконечная, выжженная дотла усталость путника, идущего тысячу лет.

Черный Пес не стал спрашивать разрешения. Он тяжело, с глухим стуком переставляя лапы, шагнул через порог. Вода с него хлынула водопадом прямо на ковер. Он прошел в комнату, оставляя за собой мокрый след, и остановился ровно посередине, под старой люстрой. Он обвел взглядом дом: спящего на полке Егорака (хомяк от первобытного ужаса прикинулся мертвым, замерев и даже, кажется, перестав дышать), Максима, вжавшегося в стену и закрывшего рот рукой, Кирилла, чей хвост распушился до размеров ершика для мытья бутылок, и, наконец, Степана.

Два гиганта, два черных зверя, две судьбы смотрели друг на друга.

Черный Пес тяжело опустил свою огромную голову. Он не зарычал. Он не оскалился. Он просто открыл пасть, и оттуда вместе с облачком пара вырвался глухой, kloчочущий звук, похожий на скрежет камней. — Брат, — прохрипел он. Голос был сорван ледяными ветрами, он скрипел, как несмазанная калитка. — Я чую тебя. Я шел на твой запах через весь поселок. На запах... покоя. Ты несешь его с собой, как факел в пещере. Он режет мне глаза.

Степан вздрогнул всем телом, словно его ударили. Он смотрел на этого мокрого, страшного пришельца, и его собственная черная шерсть начала стремительно менять цвет, становясь темно-серой — не от дождя, а от пота, выступившего на коже. Он узнал этот запах. Запах одиночества. — Я... я не знаю тебя, — неуверенно, хрипло ответил Степан. — Я не помню тебя в поселке. — Зато я знаю тебя, — Черный Пес сделал еще один тяжелый шаг. Теперь они стояли вплотную, нос к носу. — Ты пахнешь девочкой. Пахнешь старой женщиной с травами. Пахнешь надеждой. Но под всем этим... — Желтые глаза пришельца сузились, заглядывая прямо в душу Степана, выворачивая её наизнанку. — Под всем этим пахнет пустотой. Той самой ледяной пустотой у школы. Я знаю её вкус. Я шел по ней за тобой, как тень, через весь этот поселок.

Максим ахнул, зажимая рот ладонью. Кирилл зашипел, как раскаленная сковорода, выставив когти, готовый вцепиться в глаза Призраку.

— Ты — это я, — сказал Черный Пес. Его голос теперь звучал прямо в голове у каждого. — Если бы за мной тогда не пришла та старуха. Если бы меня оставили там умирать на обочине. Я — это тень того, кем ты мог стать. Я — Пёс, который никогда не нашел дом. Я обхожу дозором эти места каждую осень, когда дожди смывают следы. Я прихожу к тем, кто забыл, каково это — бояться темноты. Я прихожу напомнить.

Он подошел к Степану вплотную. От него веяло холодом склепа, запахом мокрого камня. Степан, самый сильный, самый громкий и уверенный пес в поселке, задрожал. Он увидел в этом призраке всю боль, которую пережил сам, умноженную на бесконечность, возведенную в абсолют. — Зачем... зачем ты здесь? — прошептал Степан, и его голос сорвался. — Чего ты хочешь? — Чтобы ты помнил, — ответил Черный Пес. Он поднял огромную, тяжелую, как бревно, лапу и коснулся ею груди Степана, прямо над сердцем. — Ты греешься у огня. Ты ешь из миски, которая всегда полна. Ты забыл, как лед режет подушечки лап в кровь. Ты забыл страх. Но страх не забыл тебя.

Черный Пес медленно, со скрипом суставов, повернул свою тяжелую голову к Максиму. Мальчик почувствовал, как его ноги становятся ватными, а в ушах начинает шуметь. Желтые глаза смотрели прямо в душу, сдирая с неё все защитные слои. — А ты, — голос Пса стал тише, проникая под кожу, заполняя легкие. — Ты прячешься в книгах. Ты смотришь на звезды в альбоме. Но ты боишься, что отец вернется. Ты боишься, что он снова скажет, что от тебя одни проблемы, что ты слишком шумный. Ты всё еще тот мальчик в колючем костюме зайчика, который боится, что его засмеют, и поэтому ест чужую морковку, лишь бы не поднимать глаз.

Максим заплакал. Тихо, беззвучно, содрогаясь всем телом. Слезы текли по его щекам, капая на пижаму, но он не мог пошевелиться, не мог даже закрыть лицо руками. Призрак видел всё.

Кирилл понял всё. Это было не проклятие. Это было испытание. Пес Потерянных пришел не за их жизнями. Он пришел забрать их радость. Он питался страхом, высасывал его, оставляя после себя только холод.

Кот спрыгнул с полки абсолютно бесшумно. Он не шипел. Он не выгибал спину. Он подошел к Черному Псу, к этому воплощению кошмара, и, к ужасу всех присутствующих, потерся боком о его мокрую, ледяную, покрытую грязью лапу. — Мы знаем, — тихо, но четко сказал Кирилл, глядя прямо в желтые глаза Призрака, не моргая. — Мы всё это знаем. Максим знает, что отец его бросил. Степан знает, что его вышвырнули, как мусор. Я знаю, что вода может убить, и она до сих пор снится мне в кошмарах. Егорак знает, что колесо в зоомагазине было только одно, и за него приходилось драться. Мы носим этот холод внутри себя, Призрак. Мы носим его каждый день, в каждой шерстинке. Мы не прячемся от него.

Черный Пес моргнул. Его желтые глаза впервые с момента появления посмотрели на кота не с пустотой, а с чем-то похожим на интерес. — Тогда почему вы не воете? — спросил он. — Почему вы не бежите в лес? Почему не грызете друг другу глотки от страха? — Потому что у нас есть друг, который согреет, — ответил Кирилл, не двигаясь с места, касаясь плечом

ледяной ноги Призрака. — Потому что когда одному страшно, другие держат его, даже если у самих поджилки трясутся. Мы не забыли страх, брат. Мы просто решили, что он больше не будет нами командовать.

Черный Пес долго смотрел на кота. Затем он перевел взгляд на Степана. Он медленно наклонил свою огромную голову и ткнулся мокрым, холодным, как у утопленника, носом в теплый, живой нос Степана. Это был жест признания. Равный признал равного. — Ты хороший вожак, — прохрипел Призрак. — Твоя стая не боится ночи. Ты научил их этому.

Он развернулся. Вода с его шкуры снова хлынула на пол, но теперь она казалась не грязной, а просто... водой. Он подошел к двери, открыл её носом и шагнул в стену дождя, сливаясь с темнотой. — Запри дверь, Максим, — сказал он, не оборачиваясь, его голос уже таял в шуме бури. — И не бойся скрипа половиц по ночам. Это просто старый дом. В нем живут живые.

Дверь закрылась. Щелкнул замок.

В доме повисла тяжелая, свинцовая тишина, нарушаемая только шумом дождя за окном, который теперь казался просто погодой. Егорак осторожно высунул нос из-под крыла Кирилла, понюхал воздух и, убедившись, что Смерть ушла, чихнул. Степан стоял посреди комнаты, тяжело дыша. Он был абсолютно мокрый, с него капало, хотя он не сделал за порог ни шагу. На его черной шерсти блестели капли пота.

Максим подошел к нему и обнял. На этот раз он не плакал истерически. Он просто прижался к теплому, живому боку друга, вдыхая запах псины, который сейчас казался самым родным запахом на свете. Кирилл подошел с другой стороны и потерся о тяжелую, дрожащую лапу Степана. — Он прав, — мяукнул кот, пытаясь разрядить обстановку своей обычной язвительностью, хотя голос всё еще дрожал. — Полы и правда скрипят. Нужно сказать Аграфене Петровне, чтобы смазала петли и купила коврик в прихожую, а то натопчет.

Степан посмотрел на своих друзей. На мальчика, который перестал бояться темноты в своей душе. На кота, который прыгнул к самой Смерти, чтобы защитить его, хотя сам дрожал от ужаса. На хомяка, который уже тащил ему сухое махровое полотенце из ванной, пыхтя от усердия. Он почувствовал, как ледяной комок в груди, оставленный Призраком, тает, уступая место чему-то горячему и твердому. — Спасибо, — тихо сказал он, и его голос больше не дрожал. — Что не убежали. Что не закрыли дверь. — Куда мы без тебя, дурень, — фыркнул Кирилл, забираясь на диван и демонстративно вылизывая мокрую лапу. — Кто нас тогда на речку поведет? Идемте пить чай. У меня от этого всего пересохло в горле, и я наглотался пыли на чердаке.

Они ушли на кухню, где Максим включил свет и поставил чайник. А на улице, в потоках ливня, больше не было слышно воя. Черный Пес Потерянных ушел дальше по поселку, зная, что в этом маленьком доме у старой ивы теперь горит такой яркий, теплый свет, который не погаснет даже от самой темной бури.

Глава 7 Золотая осень

Октябрь в дачном поселке всегда наступал внезапно, словно кто-то наверху просто перекрыл кран с осенней сыростью и повернул вентиль зимы. Казалось, еще вчера дождь пытался пробить старую шиферную крышу насквозь, а сегодня утром мир проснулся хрустальным и звонким. Первый настоящий заморозок превратил грязь на дорогах в серое, хрупкое стекло, а старую паутину в углах крыльца — в бриллиантовые колье, которые рассыпались бы от одного дыхания. Воздух стал колким, прозрачным и пах горьким, сладковатым дымом от сжигаемой листвы и чем-то неуловимо печальным — запахом увядания.

В этот день Максим проснулся не от запаха бабушкиных оладий, а от тишины. Не было привычного, вибрирующего храпа Степана под дверью, не было уютного, монотонного мурлыканья Кирилла, который обычно спал, развалившись на спине и раскинув лапы. Мальчик выглянул в окно, ежась от холода, проникающего сквозь стекло, и увидел свою «семью» на улице.

Степан стоял посреди двора, как памятник самому себе, высоко задрав свою огромную голову, и с видом профессора зоологии наблюдал за сорокой, нагло сидевшей на электрических проводах. Кирилл сидел на перилах крыльца, обернув лапы пушистым хвостом, и смотрел на черную стену дальнего леса с таким серьезным, философским видом, будто решал в уме судьбу мира. Егорак деловито перебежал от одного пожухлого, почерневшего от мороза цветка к другому, что-то вынюхивая, деловито пыхтя и помахивая своим коротеньким хвостиком-кисточкой.

— Общий сбор! — крикнул Максим, распахивая входную дверь, и облако пара вырвалось из его рта. — Чего вы там застыли? Птицу считаете? У меня от холода уши отваливаются!

Степан вздрогнул от неожиданности, чуть не поскользнувшись на ледяной корке, и виновато вильнул хвостом, едва не сбив стоявший у крыльца велосипед. — Я не считаю, — басом ответил он, подходя ближе и шумно выдыхая. — Я охраняю периметр. Сорока — она птица подозрительная, Максим. Блестящее любит. Вдруг она нашу «Надежду» украсть хочет, пока мы спим? Кирилл лишь закатил глаза так, что стали видны белки, и спрыгнул с перил, приземлившись на все четыре лапы абсолютно беззвучно. — Его интеллект деградирует от холода, — сообщил кот Максиму, потягиваясь так, что позвоночник выгнулся идеальной аркой. — Он вчера пытался закопать свой резиновый мячик в сугроб, потому что решил, что это «летняя консервация на случай голода». Я чуть лапу себе не отморозил, пытаюсь ему объяснить законы термодинамики.

Но сегодня был особенный день. Максим не просто так вышел на улицу в одной тонкой флисовой кофте, ежась и притопывая замерзающими ногами. — Сегодня суббота, — торжественно объявил мальчик, застегивая куртку до самого подбородка. — Бабушка велела перебрать яблоки в погребе, сказала, что нижние ряды начали гнить, но я придумал лучше. Мы идем в поход. — В поход? — уши Степана встали торчком, как антенны, а глаза загорелись азартным огнем. — На речку? Там лед тонкий, я проверял носом, можно кататься на брюхе, как на коньках! — Нет, — загадочно улыбнулся Максим, закидывая на плечо небольшой рюкзак. — Мы идем в Большой Лес. За грибами. И за последним теплом. Говорят, у старой сторожки солнце держится до самого вечера.

Идея была воспринята с энтузиазмом, граничащим с хаосом. Егорак тут же потребовал выдать ему «экспедиционный рюкзак» (маленькую наплечную сумку Максима, в которую хомяк тут же попытался спрятать весь свой запас семечек) и занял место штурмана, забравшись на плечо мальчика. Кирилл, поворчав для вида про блох, клещей и «этих мерзких лесных клещей, которые активны даже в заморозки, потому что они эволюционировали специально, чтобы пить кровь у интеллигенции», потребовал самую теплую подстилку из прихожей, чтобы

ехать верхом с комфортом. Степан же просто радовался самой возможности куда-то бежать, сшибая носом оставшиеся на ветках мелкие, сморщенные, как изюм, замерзшие яблоки.

Большой Лес встретил их торжественной, звенящей тишиной, которая бывает только в октябре. Здесь осень правила безраздельно, как полноправная владычица. Клены пылали багровым и оранжевым, словно кто-то плеснул на них расплавленного золота, березы стояли, как золотые колонны, поддерживающие тяжелое, свинцовое небо. Под ногами шуршал ковер из сухих листьев — смесь кленовых ладоней и березовых монет, и этот звук — единственное, что нарушало покой, — казался музыкой.

Они шли по старой заросшей просеке. Степан бежал впереди, работая носом, как заправский пылесос, и периодически фыркал, когда в ноздри попадала сухая листва или труха. Кирилл ехал на его спине, как император на слоне, презрительно поглядывая на муравьиные кучи, которые, по его мнению, были признаком отсутствия у насекомых высшего образования. Егорак семенил рядом с Максимом, постоянно отвлекаясь на блестящие шляпки каких-то поганок, которые он принимал за драгоценные камни и пытался выкопать своей ложечкой.

— Нам туда, — сказал Максим, сворачивая с просеки вглубь чащи, где деревья росли плотнее. — Там есть старая лесная сторожка. Дедушка говорил, что у неё крыша из настоящей черепицы, и она собирает солнце, как батарея. Даже в самый лютый мороз там внутри тепло.

Дорога становилась труднее. Корни, скрытые под толстым слоем листьев, хватили за ноги, пытаясь уронить мальчика в грязь. Степан пару раз чуть не кувыркнулся через голову, поскользнувшись на гнилом пне, но каждый раз удерживал равновесие, помня о драгоценном и очень ворчливом грузе на спине. — Осторожнее, баркас неуклюжий! — шипел Кирилл, цепляясь когтями за густую, мокрую от росы шерсть пса. — Если уронишь меня в этот хворост, я притворюсь мертвым, а потом прокляну тебя до седьмого колена, и у тебя отвалится хвост!

Наконец, деревья расступились. Они вышли на большую, заросшую папоротником поляну, залитую бледным, холодным, но всё ещё ярким солнцем. И посреди неё стояла она.

Сторожка была старой, вросшей в землю по самые окна, словно уставший путник присел отдохнуть. Древесина её стен стала почти черной от времени, дождей и копоты, но крыша... Крыша была чудом. Покрытая темно-красной, местами покрытой изумрудным мхом черепицей, она вбирала в себя скупые солнечные лучи и, казалось, сама светилась изнутри теплым, медным, уютным светом. Из старой кирпичной трубы, сложенной на совесть, тонкой, сизой струйкой вился дымок, пахнувший березовыми дровами.

— Здесь кто-то есть, — тихо сказал Кирилл, спрыгивая на землю и тут же брезгливо отряхивая лапы от налипших листьев. — И этот кто-то готовит мясо. Я чую утку. Или тетерева. Мы будем это грабить? — Это Лесник, — прошептал Максим. Его глаза расширились от восторга и легкой робости. — Настоящий. Дедушка говорил, он живет тут всегда.

Дверь сторожки, сделанная из толстых, грубо оструганных досок на массивных кованых петлях, со скрипом, похожим на стон, отворилась. На пороге показался старик. Он был огромен, широкоплечий, с бородой, в которой запутались седые иголки и какой-то лесной мусор, и в брезентовой куртке, пахнувшей костром, мазутом и свободой. В руках он держал топор-колун, и от него веяло такой первобытной силой, что даже Степан невольно сделал полшага назад.

Реакция Стаи была мгновенной и предсказуемой. Степан мгновенно встал перед Максимом, закрывая его своим телом, глухо зарычал, и шерсть на его загривке встала дыбом, превратив его в черный, ошетиненный шар. Кирилл зашипел, выгибая спину дугой, распушив хвост и став в два раза больше, готовый выпустить когти. Егорак юркнул за сапог мальчика и затих, только усики его дрожали от страха.

Старик остановился. Он не выглядел удивленным. Он посмотрел на огромного черного пса, готового к прыжку, на шипящего кота, на мальчика, который положил руку на голову собаке, успокаивая её.

— Тихо, — сказал Лесник. Голос у него был низкий, как гул ветра в печной трубе, глубокий и совсем не страшный. — Не балуй, Черныш. Я вас еще у опушки почуял. По запаху... кот у вас ученый. Валерьянку, небось, на чердаке в жестяной банке прячете, от бабки прячете?

Кирилл замер. Он узнал этот запах. Запах одиночества, но не злого и холодного, как у Призрака, а мудрого, пропитанного табаком и лесом. Запах того, кто сам выбрал лес вместо города.

— Он не Черныш, он Степан, — выглянул из-за ноги Максим, чувствуя, как дрожит рука на собачьей шее. — А я — Максим. А это Кирилл. Мы... мы просто шли мимо. Мы не ворует. У нас свои яблоки есть.

Старик усмехнулся в бороду, и его суровое, изрезанное морщинами лицо вдруг стало добрым, как у сказочного волшебника. — Знаю я, куда вы шли. К Лысому Камню небось? Или на Ведьмино болото за клюквой? Все вы, мальчишки, одинаковые. Заходите, коль пришли. Дверь у меня всегда открыта для тех, кто не ломит ветки просто так и зверя зря не пугает.

Внутри сторожки было невероятно. Это был не дом, это была пещера сокровищ. Пахло сушеными травами, подвешенными пучками к потолку — зверобой, иван-чай, какая-то полынь, — пахло печеной в золе картошкой, луком и мокрой шерстью. В углу, в огромном ржавом котле, стоящем на кирпичках, варилась какая-то густая похлебка, булькая и источая ароматы, от которых сводило живот. Солнечный свет падал из маленького, заросшего грязью окошка прямо на пол, освещая рыжую пыль в воздухе.

— Садись к огню, — кивнул Лесник Максиму на низенькую самодельную скамеечку. — Продрог, поди, в своей городской кофтенке. Синтетика она и есть синтетика, не греет.

Мальчик сел, протягивая руки к открытой дверце буржуйки, в которой плясали алые языки пламени. Тепло было живым, оно обнимало, проникая до самых костей, вымораживая из них сырость и страх. Степан тяжело рухнул на пол рядом, положив голову на лапы, и блаженно, со стоном вздохнул. Тепло от печки прогревало его старые, больные суставы так, как не грела ни одна городская батарея. Кирилл, соблюдая достоинство, запрыгнул на широкий, покрытый овчиной подоконник, но Максим видел, как кот жмурится, подставляя свою рыжую морду под солнечный луч, и забывает держать марку.

Егорак же пришел в состояние абсолютного экстаза. Он спрыгнул с рук мальчика и начал исследовать полки. Старые жестяные банки с гвоздями, мотки веревки, связки сушеных грибов, похожих на сушеных летучих мышей... Для хомяка это был рай, Лувр и Форт-Нокс одновременно. — Смотрите! — пискнул он через минуту, таща что-то корявое и черное из-под лавки. — Это же... это же корень Мандрагоры! В книге про Гарри Поттера такая была, она кричала!

Лесник, который в этот момент подкладывал в печку смолистое сосновое полено, обернулся и посмотрел на хомяка. Впервые за всё время в его глазах мелькнул настоящий, искренний смех, от которого морщинки в уголках глаз стали глубже. — Это мандрагора, верно, — кивнул он, и его борода затряслась. — Только не волшебная. Это корень калгана. От живота хорошо помогает, если съел чего не то. А то от ваших городских конфет небось уже всё слиплось внутри-то?

Они обедали. Старик налил Максиму в тяжелую железную кружку кипяток из чайника, бросил туда веточку смородины и дал кусок черного хлеба с толстым слоем масла и розовыми пластами домашнего сала. Мальчик ел, и ему казалось, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал. Это была еда, в которой была жизнь. — Почему вы здесь живете? — спросил Максим, глядя, как огонь пляшет в печке, отбрасывая на стены причудливые тени оленьих рогов, висящих над дверью.

Лесник долго мешал ложкой в котле, снимая пробу. Движения его были медленными, уверенными. — А где мне еще жить? — ответил он просто, не оборачиваясь. — Там, в городе, всё бегут, бегут... Куда бегут — сами не знают. Шумят, ругаются, в свои коробочки светящиеся

смотрят. А здесь... здесь время честное. Здесь каждая осень знает, что за ней будет зима. И к этому надо быть готовым. Дрова наколоть, крышу залатать. Я вот готов. И вы, я смотрю, тоже.

Он посмотрел на Степана, который уже спал у огня, тихо посапывая и дергая во сне лапой. — Пес твой... битый жизнью. В глазах у него такая тоска, что впору вешаться. Но он добрый. Это сразу видно. Он за мальчишку своего кому угодно глотку порвет, даже если сам сдохнет. — Его выкинули, — тихо сказал Максим, и голос его дрогнул. — Как мусор. На дорогу. — Знаю, — кивнул Лесник, и ложка в его руке замерла. — Я его нашел прошлой зимой у школы. Он сидел там два дня. Прямо на льду. Никого к себе не подпускал, только выл так, что у меня стекла дрожали. Думал, волки его порвут, они тут шастают. А он дождался. Упорный. Хороший материал. Из такого либо зверь лютый, бешеный получается, либо самый верный друг на свете. Ему повезло, что бабка его нашла. А тебе повезло, что он вас всех собрал.

Степан, услышав это сквозь дрему, поднял голову и посмотрел на старика. В его карих, теплых глазах стояли слезы, но он не заскулил. Он просто подошел к Леснику, тяжело ступая по скрипучим половицам, и положил свою огромную голову ему на колени, прямо поверх заляпанных смолой штанов. Старик тяжело, но ласково опустил руку и почесал его за ухом тяжелой, мозолистой ладонью. — Вот и правильно, — пробормотал он, не переставая гладить. — Помни добро. А зло забудь. Зло — оно как дым, выветривается, если окно открыть. А добро — оно греет.

Максим смотрел на эту картину: огромный, страшный для чужих пес, которого все боялись на дачах, и старый, суровый лесник, живущий вне закона и времени. И между ними было больше понимания, чем во всем остальном мире вместе взятом. — Можно мы... придем еще? — спросил мальчик, допивая свой чай. — Мы грибы будем искать. Я умею, дедушка учил.

Лесник посмотрел на него своими светлыми, выцветшими от солнца и ветра глазами, в которых отражалось пламя печки. — Лес общий, — сказал он, наконец наливая себе похлебки. — А у порога моей сторожки всегда лежит метла прутьями вверх. Если она стоит у двери — значит, я ушел. Если лежит — значит, дома. Приходите. Только яблоки мне принесите, а то мои померзли в сарае. Шарлотку испечем. Я в нее корицу кладу, как положено.

Обратно шли, когда солнце уже начало садиться, окрашивая верхушки елей и снег на них в цвет розового, холодного золота. Они несли с собой плетеную корзину, в которой лежали три огромных, крепких боровика, найденных Кириллом (кот утверждал, что нашел их «интеллектуально», просто глядя сверху, пока другие копались в земле), и мешочек с сушеным калганом для Егорак, который теперь считал себя главным аптекарем экспедиции.

Максим шел посередине. Слева от него, тяжело ступая, но как-то по-особенному легко на душе, шел Степан. Справа, подпрыгивая от переизбытка энергии, семеня Егорак. Кирилл ехал на Степане, чистая усы и делая вид, что он просто случайно оказался на этой собаке.

— А он крутой, этот Лесник, — сказал Максим, пиная замерзшую, твердую, как камень, шишку. — Он не боится ничего. Ни волков, ни темноты. — Он не боится, потому что он один, — философски заметил Кирилл, не открывая глаз, лежа на теплом собачьем боку. — Боятся только те, кому есть что терять. У него ничего нет, кроме леса и печки. А у нас есть мы. Поэтому нам страшнее. Но и сильнее. Понимаешь? Мы — стая. А стаю нельзя выкинуть на обочину. Стая сама кого хочешь выкинет.

Степан фыркнул, соглашаясь. Он посмотрел на свою тень, длинную и четкую в свете садящегося, но всё еще яркого солнца. Она больше не казалась ему черной и страшной. Она была тенью его друзей. Тенью его дома. Тенью того, кто больше никогда не будет выть на обочине.

Когда они вышли из леса на свою улицу, начало смеркаться. В окнах домов зажигались теплые, желтые огни — люди вернулись с дач в город, и поселок стал по-настоящему пустым и тихим. Воздух стал синим, колким и пах дымом.

У своего крыльца Максим остановился. — Сегодня самый лучший день, — сказал он, обнимая сначала Степана, зарываясь лицом в его густую, пахнущую лесом и костром шерсть, потом пытаясь обхватить Кирилла (кот увернулся, но позволил почесать себя за ухом). — Спасибо, что вы у меня есть. Вы лучше любой сторожки.

Егорак, уже забывший про Лесника и философию, деловито копался в корзине, проверяя грибы на червивость и съедобность. — Главное, чтобы шарлотка была с корицей! — пропищал он, пытаясь вытащить самый большой гриб. — И с яблоками! Без корицы — это не семья, это просто соседи по коммунальной кухне, которые делят одну розетку!

Они зашли в дом, плотно закрыв за собой тяжелую дверь, отсекая холодный, чужой мир. Снаружи начинался холодный октябрьский ветер, который гнал по опустевшему поселку сухие листья, закручивая их в маленькие смерчи. Но внутри, в доме, где горел свет, пахло мокрой шерстью, яблоками из погреба и абсолютным, нерушимым счастьем. Зима могла приходить. Она могла замести всё снегом. Они были готовы. Потому что теперь у них был не просто дом. У них была Старая Стая.

Глава 8 кот пес иснег

Ноябрь пришел не с трескучими морозами, которые рисуют на новогодних открытках, а с тяжелой, свинцовой тишиной, которая давит на плечи. Он опустился на дачный поселок внезапно, за одну ночь, словно кто-то наверху просто дернул за рычаг и выключил остатки осени, накрыв мир толстым ватным одеялом. Пожухлая, черная трава покрылась сединой инея, который не таял даже в редкие часы тусклого полуденного солнца, а лужи затянулись звонкой, хрупкой корочкой льда, похожей на матовое стекло, по которому Максим боялся топтать — звук был слишком мертвым.

В доме стало заметно теснее, тише и темнее. Дни сжались до неприличия, и сумерки теперь начинали сгущаться уже к трем часам дня, принося с собой синие, холодные тени по углам. Это было время свечей, горячего чая с чабрецом и липовым медом, который пах летом, и долгих, тягучих историй.

Именно в такой сумеречный, синеватый час, когда за окном уже зажигались редкие, подмигивающие фонари на столбах, Максим сидел на широком подоконнике в своей мансарде, поджав ноги в толстых вязаных носках. Он смотрел на лес. Там, за рекой, за черными, голыми стволами, происходило что-то странное и пугающе красивое. Снег. Первый снег в этом году. Он не падал крупными, пушистыми хлопьями, как рисуют на открытках. Он летел мелкой, колючей крупой, белой, ледяной пылью, которая тут же таяла, касаясь еще не остывшей темной земли, но упорно продолжала сыпаться из низкого, давящего неба, словно пытаясь засыпать весь мир.

Кирилл спал на коленях у мальчика, свернувшись в идеальный, пушистый, вибрирующий шар. От кота исходило ровное, сухое, успокаивающее тепло, которое проникало сквозь ткань джинсов. Егорак, как истинный хомяк-провизор и начальник службы безопасности провизии, делал обход своих «зимних складов» под старой чугунной батареей, перепрыгивая семечки из одного угла в другой и бормоча себе под нос что-то о «несанкционированном доступе к стратегическим запасам» и «некомпетентности охраны периметра».

А вот Степана в комнате не было.

Максим почувствовал тонкий, как иголка, укол беспокойства под ребра. Обычно в это время, когда за окном начинало темнеть, пес уже занимал свой пост у батареи, занимая собой половину пространства, громко сопя и периодически дергая лапой во сне, гоняя кошек. Но сегодня его лежанка, застеленная старым бабушкиным пледом, была пуста. — Кирюх, — тихо позвал мальчик, боясь спугнуть эту ватную, снежную тишину. — Ты Степана не видел? Он не на улице?

Кот открыл один зеленый глаз, не меняя позы и не прекращая вибрировать. — Видел, — лениво мяукнул он, но в голосе не было обычной язвительности. — Этот шерстяной идиот сидит на улице. На старых садовых качелях. — На качелях? — удивился Максим, и беспокойство начало перерастать в тревогу. — Там же мокро, холодно, и с неба эта дрянь сыплется. Он простудится, у него же бронхи слабые после прошлой зимы. — Он не простудится, — зевнул Кирилл, обнажая острые клыки. — Он скорбит. — О чем? — не понял мальчик. — Лето давно кончилось. Мы же ходили в лес, он был счастлив. — Он скорбит по лету, — пояснил кот, наконец прыгивая на пол и потягиваясь так, что когти впились в деревянный пол. — По стрекозам. По тому, что трава была зеленая и мягкая, а не вот эта... коричневая, мертвая солома. Он же у нас, Максим, глубоко в душе — романтик. Просто скрывает это за громким лаем, попытками сожрать всё, что не приколочено, и вечным поиском еды. Идем. Если он там сдохнет от меланхолии, бабка Аграфена нам этого не простит. Она нам его и так в состоянии «почти труп» доверила, а мы его в снегу заморозим.

Максим молча кивнул. Он накинул на плечи старую дедушкину телогрейку, которая пахла табаком, нафталином и чем-то неуловимо мужским, сунул ноги в тяжелые резиновые сапоги и, плотнее запахнув дверь, вышел на крыльцо.

Холод ударил сразу, пробирая до костей сквозь одежду. Воздух пах озоном, мокрым деревом и далеким печным дымом. Максим завернул за угол дома, обходя замерзшую лужу, и увидел его.

Качели были старыми, сваренными из толстых железных труб, с деревянным сиденьем, которое от сырости и времени стало серым и шершавым. Они тихо, тоскливо поскрипывали на ветру, раскачиваясь сами по себе. А на них, занимая всё сиденье своей массивной тушей, сидел Степан. Он не качался. Он сидел абсолютно неподвижно, как статуя самому себе, глядя прямо перед собой, туда, где за забором начиналось поле, исчезавшее в белой, колючей мгле.

Первый снег оседал на его черной, густой, свалывшейся местами шерсти. На широкой спине уже намело маленький, но настоящий сугробчик. На мощной голове белые крупинки смешивались с сединой у висков, о которой Максим раньше и не подозревал — он думал, что Степан просто такой черный. Пес тяжело, со свистом дышал, и из его пасти вырывались густые, плотные облачка пара, которые тут же сносило ветром. Он выглядел огромным, черным, неподвижным монументом самому себе. Памятником лету, которое ушло навсегда.

— Степ, — позвал Максим, подходи ближе. Под ногами предательски, громко хрустнул лед, и звук показался выстрелом в этой тишине. — Ты чего тут околеваешь? Идем домой, чайник вскипел. Кирилл обещал рассказать, почему он считает всех собак подвидом диванных подушек с низким IQ.

Степан даже не повернул головы. Только уши, заросшие шерстью внутри, едва заметно дернулись на звук голоса, и пар из пасти повалил гуще. — Красиво, — прохрипел он. Голос был низким, надтреснутым и каким-то очень, очень старым. — Смотри, Максим. Оно... оно стирает всё.

Максим посмотрел туда, куда смотрел пес. Поле, еще вчера черное, унылое, изрытое кротами и усыпанное сухим репейником, теперь покрывалось ровным, девственно-белым слоем. Каждая сухая травинка, каждый забытый пластиковый стаканчик, каждая трещина в земле — всё исчезало, растворялось под этой белой, холодной пеленой. Мир становился чистым, пустым, невинным и пугающе безмолвным. — Оно красивое, — согласился мальчик, ежась и пряча руки глубоко в карманы телогрейки. — Но оно холодное. Иди сюда, Степ. У тебя лапы, наверное, ледяные, и нос как сосулька. — Ледяные, — кивнул пес, и в его голосе прозвучала такая вселенская, глухая тоска, что у Максима сжалось сердце. — Всё становится ледяным, Максим. И земля, и вода в миске, которую бабушка забывает занести в дом. И люди. Зимой люди становятся злыми, Максим. Они торопятся, прячут лица в шарфы, чтобы не чувствовать ветра, и не смотрят друг на друга. Я помню... я помню ту зиму, до Лизы. Я помню, как холод забирался под ребра, не просто морозил, а ложился там спать, свернувшись клубком. Я думал, что он никогда не уйдет. Что это и есть моя жизнь.

Максим подошел вплотную и присел на корточки прямо перед качелями, в мокрый, тающий снег, глядя на пса снизу вверх. Он видел, как снежинки тают на мокром, блестящем носу Степана, превращаясь в капельки воды. — Но он ушел, — тихо сказал мальчик. — Холод ушел. Ты же здесь. Ты теплый. — Я здесь, потому что вы меня греете, — Степан наконец повернул свою огромную, тяжелую голову и посмотрел на Максима сверху вниз. В его карих, собачьих глазах отражался теплый, желтый свет из окна мансарды. — Но я всё равно боюсь, парень. Боюсь, что этот холод... он заберет не только траву. Он заберет «Надежду». Вдруг она замерзнет там, наверху? Вдруг она погаснет от снега? Она же такая... маленькая.

Кирилл, вышедший следом и бесшумно, по-кошачьи, приземлившись на деревянные перила крыльца, не стал язвить. Он смотрел на пса серьезно, по-королевски, подергивая кончиком хвоста. — Ты идиот, Степан, — сказал кот, но в голосе его не было привычного яда,

только бесконечная усталость аристократа, объясняющего очевидное. — Твоя «Надежда» — это звезда. Ей миллиарды лет. Она видела, как замерзали динозавры, как сходили ледники и как строили пирамиды. Ей плевать на твой ноябрь и на этот мокрый снег. Она боится только Большого Сжатия Вселенной, и то вряд ли. Ты боишься не холода, Степан. Ты боишься быть один.

Степан перевел тяжелый взгляд на кота. Ветер трепал его черную шерсть, делая её еще более дикой. — Я не один, — тихо сказал он, и это прозвучало как клятва. — У меня есть вы. Я знаю. Но... что если вы тоже замерзнете? Что если вы устанете? Люди уезжают, Максим. Они всегда уезжают в свои теплые квартиры с батареями. А мы остаемся. Снег, ветер и я.

Максим протянул руку. Его пальцы дрожали от холода, когда он коснулся мокрой, тяжелой головы пса. Он запустил пальцы в густую, пахнущую лесом и костром шерсть за ухом, там, где была самая мягкая точка, которую Степан доверял только ему. — Мы не уедем, — твердо сказал мальчик, и в этот момент он сам поверил в свои слова так сильно, как никогда не верил ни во что в своей короткой жизни. — Слышишь, Степ? Мы не те люди. Мой отец уехал, потому что он не умел ждать весну. Он не умел сидеть в тишине. А мы умеем. Мы останемся здесь. Всю зиму. Я буду рубить дрова, пока руки не отвалятся. Кирилл будет сидеть на печи, жрать сметану и руководить процессом. Егорак будет считать припасы и писать отчеты. А ты... ты будешь нас охранять. И мы будем сидеть вот так. Каждый вечер. Пока снег не растает.

Степан закрыл глаза под рукой мальчика. Его огромное, напряженное тело, до этого натянутое как струна, вдруг обмякло, опало, как проколотый мяч. Он тяжело, со свистом вздохнул, и облако густого, теплого пара окутало лицо Максима, пахнущее мокрой псиной и жизнью. — Рубить дрова — это хорошо, — пробасил пес, открывая глаза, в которых больше не было тоски, только спокойная усталость. — Только топор тяжелый. Я лучше буду на него лаять. Громко. Чтобы он сам рубился от страха.

Кирилл фыркнул, не удержавшись, и спрыгнул с перил, отряхивая лапу от невидимой пыли. — Твоя главная стратегическая задача на зиму, — мяукнул кот, проходя мимо и задрав хвост, — не сожрать все запасы Егорака за один присест. Это будет твой личный подвиг, достойный занесения в летопись. — Я постараюсь, — серьезно ответил Степан, тяжело поднимаясь. Снег посыпался с него белыми комьями. — Но ничего не обещаю. У меня метаболизм. И стресс.

Максим рассмеялся. Смех в этой белой, холодной, звенящей тишине прозвучал как выстрел, как треск ломающегося льда. Он встал, отряхивая колени. — Идем, страж поселка, — сказал он, обнимая пса за шею. — Твоя очередь греть мне постель. А то я замерзну, превращусь в сосульку, и тебе придется нести меня в больницу, а у тебя лапки, ты не донесешь.

Степан тяжело, с кряхтением, поднялся на все четыре лапы. Он был похож на огромного, лохматого медведя, проснувшегося не вовремя и недовольного этим фактом. Он толкнул мальчика носом в спину, призывая идти вперед, в тепло.

Они вошли в дом, плотно закрыв за собой тяжелую дверь, отсекая холодный, чужой, белый мир. В лицо ударило густое, обволакивающее, пахнущее сухими дровами и жизнью тепло. Степан с облегчением рухнул на свой коврик у батареи, прижавшись к ней всем боком так плотно, словно хотел влезть внутрь. Он блаженно вздохнул, и его бока начали медленно, мерно вздыматься — пес засыпал.

Максим снова забрался на свой подоконник, поджимая ноги. Он смотрел в окно. Снег шел всё сильнее. Теперь это были уже не крупинки, а настоящие, большие, мохнатые хлопья. Они падали медленно, кружась в свете фонаря, как маленькие, танцующие белые привидения. Они укрывали поселок, смывая все следы осени, все обиды, все страхи и все черные пятна на земле.

В комнате было тихо. Слышно было только, как тикают старые часы на стене, как сопит во сне Степан, как шуршит салфеткой Егорак, укрывая очередную семечку «на черный день», и

как потрескивают дрова в печке. Кирилл запрыгнул на подоконник рядом с Максимом, потеснив его, и положил свою теплую, тяжелую голову мальчику на колено. — Он прав, знаешь, — тихо сказал кот, глядя в темноту за стеклом, где кружился снег. — Зима — это страшно. Она не просто холодная. Она пустая. Она проверяет на прочность всё. И дома, и души. — Но мы справимся? — спросил Максим, кладя руку на голову кота и запуская пальцы в густую шерсть. — Правда? — У нас есть звезда, — ответил Кирилл, и в полумраке комнаты его зеленые глаза сверкнули, как два осколка той самой «Надежды». — И печка. И идиот, который будет лаять на топор, пока тот не сдастся. С такой командой не справляются только дураки и слабые. А мы — самая умная, самая теплая и самая шумная стая в этом лесу.

Максим улыбнулся, прижавшись щекой к пушистой голове кота. За окном бушевала первая настоящая метель, она выла в трубе и пыталась пробиться в дом сквозь щели в старых рамах, злясь, что её не пускают. Но внутри, в маленьком треугольном пространстве мансарды, под защитой толстых бревенчатых стен и чего-то гораздо более прочного — любви, — было так тепло, так спокойно и так правильно, что казалось — никакая зима в мире не сможет до них дотянуться своими ледяными пальцами.

Зима пришла. Но она пришла не за ними. Она пришла просто посмотреть на их свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.